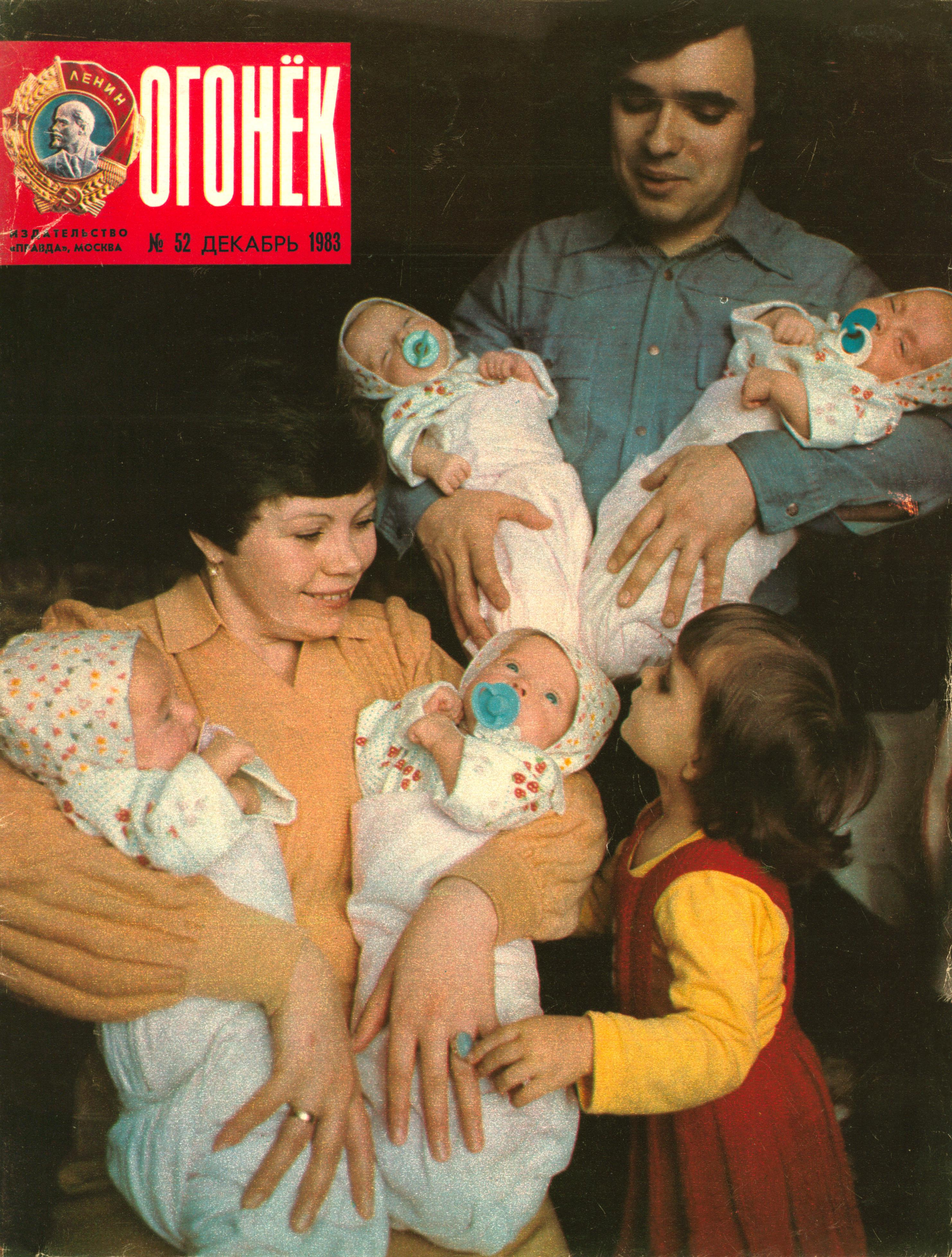

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 52 ДЕКАБРЬ 1983

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

4 МАРТА 1984 г.

ВЫБОРЫ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР

Рис. Н. Стольникова.

ВОПРЕКИ КАЛЕНДАРЮ

Дед Мороз в гостях у горняков Т. Пупкевича, А. Михайлова, Е. Пшенички, С. Кузина

Фото П. Кузнецова (ТАСС)

Сегодня в комплексной бригаде горняков, возглавляемой Т. Пупкевичем (они трудятся в разрезе «Нарвский» Эстонского сланцевого бассейна), праздник истинный — коллектив досрочно выполнил годовое задание.

Поздравить передовую бригаду пришел Дед Мороз. Так в кабине шагающего экскаватора, на котором работает экипаж кавалера орденов Трудовой славы двух степеней Т. Пупкевича, появилась нарядная елка.

А на календаре Раисы Сергеевны Косиновой, намотчицы курского объединения «Химволокно», уже 1986-й! Свою пятилетку Раиса Сергеевна выполнила за два года и одиннадцать месяцев. С этим радостным событием, настоящим праздником, и пришли поздравить ее товарищи по труду.

Р. С. Косинова принимает поздравления.

Фото О. Сизова (ТАСС)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 52 (2945)

24 ДЕКАБРЯ 1983

В НОМЕРЕ:

БЕСЕДА В

15 декабря Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов принял в Кремле премьер-министра Финляндии К. Сорсу, находившегося в Москве в связи с очередным заседанием постоянной межправительственной советско-финляндской комиссии по экономическому сотрудничеству.

В связи с назначением К. Сорсы на пост председателя финской части комиссии Н. А. Тихонов пожелал ему успехов в этой ответственной деятельности.

В ходе беседы было высказано удовлетворение успешным

ВЫСОКИЙ ДОЛГ

Ветераны партии и труда, ветераны армии и флота — живые носители героических традиций советского народа. Глубоким уважением и почетом окружены они в нашей стране. Убедительным свидетельством признания их заслуг перед Родиной явилась состоявшаяся в августе этого года встреча в ЦК КПСС, на которой так ярко, содержательно выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Ю. В. Андропов.

Логическим продолжением этой ленинской традиции стала состоявшаяся на днях встреча руководства Министерства обороны СССР с ветеранами Вооруженных Сил. На ней присутствовали испытанные, закаленные воины — те, кто отста-

18 декабря завершил свою работу X съезд Португальской компартии. Более двух тысяч делегатов обсудили деятельность партии за период после предыдущего съезда ПКП, наметили планы работы на будущее.

На форуме португальских коммунистов присутствовали многочисленные гости — представители около 70 братских

КРЕМЛЕ

развитием всестороннего сотрудничества СССР и Финляндии на базе Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи 1948 года. Недавнее продление договора на новый 20-летний период создает прочную основу для динамичного развития дружественных советско-финляндских отношений во всех областях на длительную перспективу, является вкладом в дело укрепления мира в Европе.

На снимке: Перед началом беседы.

Фото Дм. Бальтерманца

ВЕТЕРАНОВ

ивал честь и свободу Родины в грозные годы гражданской и Великой Отечественной войн, кто в наши дни вносит весомый вклад в повышение боевой мощи и боевой готовности Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Опыт, знания, житейская мудрость ветеранов не должны уходить в запас. Пусть и впредь они служат воспитанию идейно убежденных, смелых и умелых защитников Родины, укреплению боевой мощи Советских Вооруженных Сил.

На снимке: Перед участниками встречи выступает член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР, Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов.

Фото Д. Гетманенко, Л. Якутина

коммунистических и рабочих партий, национально-освободительных движений. В их числе делегация КПСС во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым.

На снимке: В президиуме съезда.

Телефото Г. Петрова (ТАСС)

ЕСЛИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО НЕ ПОХОРОНИТ ВОЙНУ, ТО ВОЙНА ПОХОРОНИТ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

Я литератор, поэт, поэтому, наверное, для меня вздох Александра Сергеевича Пушкина о временах, «когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся», и строчка из Коммунистического манифеста «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», а также слова Анатолия Васильевича Луначарского, выбитые на красном граните памятника жертвам революции, «По воле тиранов друг друга терзали народы, ты встал, трудовой Петербург, и первым начал войну всех угнетенных против всех угнетателей, чтоб тем убить самое семя войны», являются примером самой высокой поэзии.

Но, кроме литератора, я еще старый солдат, которому дважды пришлось защищать наш город не только с пером в руке; у меня есть еще обязанность председателя Ленинградского областного комитета защиты мира; есть и кое-какой опыт в познании жизни, опыт встреч и путешествий, опыт синяков и шишек, и некоторыми мыслями своими, возникающими из этого опыта, хочется поделиться.

Я знаю, что знание — это прежде всего ответственность: знаю — значит, отвечаю за то, что я знаю, и чем выше мир человеческого познания, тем выше ответственность человека перед великой мозаикой жизни. Но на путях познания, на путях величайших открытий разума, как бы человечество не позабыло о нравственных началах и основах бытия, гениальные открытия человека нередко теперь становятся для мира трагедиями.

Космические скорости, энергия малых частиц спутали представление о наших возможностях и масштабах во Вселенной и на своей планете. Земля как бы уменьшилась до размеров почти одного квадратного сантиметра, до размеров той самой кнопки, на которую может нажать палец и превратить этот мир в огненный ад неуправляемой энергии. Великие открытия изменили наши представления о мире и сделали заботы землян глобальными. И эта глобальность ответственности познания перед необозримостью жизни заставляет нас на краю грозящей погибелью бездны задуматься о нравственных началах.

Стремительно на всех наречьях
споря,
Со всей земли на радиоволне
Все птицы человеческого горя
В полночный час слетаются
ко мне.

И к прошлому и будущему
жалость
Томит мой дух и требует
помочь.
И незаметно вырастает малость
В глобальный край и раздвигает
ночь.
Обожествляется тупая сила,
И гений перед силой лебезит,
И вырытая трусостью могила
Живым и мертвым гибелью
грозит.

И я гляжу в сторону заката солнца и вспоминаю прекрасные стихи Карла Сэндберга:

Заброшен и одинок,
Всю ночь напролет на озере,
Застланном туманом и мглой,
Какой-то пароход

Зовет и вопит непрерывно,
Как потерянный ребенок,
В слезах и страхе
Ищущий груди
Гавани-матери.

И этот непрерывно вопящий пароход становится для меня символом человечества, попавшего в беду. И мне на память приходят слова Уильяма Фолкнера. Он говорит мне и всему мятущемуся миру: «Я верю в то, что человек не только выстоит, он победит». И дальше: «Поэт должен не просто создавать летопись человеческой жизни; его произведение может стать фундаментом, столпом, поддерживающим человека, помогающим ему выстоять и победить». И я начинаю верить вместе с Александром Сергеевичем Пушкиным в праздник человечества. И я продолжаю жить не на зло врагу, а на радость другу, и я продолжаю искать в этом мире прежде всего родства, а не различия. Я вслед за Маяковским, сказавшим «Я знаю — город будет», говорю:

Как яблоко на блюде,
У нас земля одна.
Не торопитесь, люди,
Все выскрести до дна.
Мы общей жизни зерна,
Одной судьбы родня.
Нам пировать позорно в счет
будущего дня.

Все прекрасное в истории Земли произрастало на почве беспокойства. Все держалось, и держится, и будет держаться на мастерах, на людях, умеющих в совершенстве делать свое дело. У мастеров слово никогда не расходится с делом. И мастер никогда не сделает больно окружающему миру. Он помогает самой природе рождать чудо.

И я хочу на свете белом,
Чтоб слово снова было делом,
Чтоб мир светлее стал и шире
И не пускался в распри вновь,
Чтоб верно царствовали в мире
Надежда, вера и любовь.

И мне хочется в заключение повторить: если человечество не устранит ядерную угрозу, если оно не похоронит войну, то война похоронит человечество.

«Почти сорок лет — больше чем когда-либо в современной истории—Европа живет в условиях мира. Это стало возможным благодаря последовательно миролюбивой политике стран социалистического содружества, усилиям миролюбивых сил континента, а также реалистической позиции здравомыслящих политиков на Западе. Сложившееся в Европе примерное равновесие военных сил, в том числе ядерных, между государствами Североатлантического союза и государствами Варшавского Договора объективно служило делу европейской безопасности и стабильности». В этих словах Заявления товарища Ю. В. Андропова сконцентрирована мощь мудрой политики Коммунистической партии и нашего правительства.

М. ДУДИН, поэт,
Герой Социалистического Труда

Ленинград.

ВЕРЮ В ПОБЕДУ РАЗУМА

Евгений МАТВЕЕВ,
народный артист СССР

Год назад вместе с группой советских кинематографистов мне довелось побывать в Соединенных Штатах. Наша поездка была связана с демонстрацией на экранах четырнадцати городов одиннадцати советских фильмов. Принимали нас хорошо, спрашивали и ждали ответов на вопросы с интересом, ибо потребность в правдивой информации у американцев преогромна. Ежедневно, ежечасно на их головы обрушивается вал различных небылиц о «красной угрозе», телевидение и пресса ничем не гнушаются, лишь бы представить обывателю в черном, искаженном свете нашу действительность.

Показ советских фильмов вызвал необыкновенный интерес и помог американцам въяве увидеть нашу жизнь. Искусство кино — великолепная возможность рассказать о действительности, о том простом, человеческом, что понятно каждому. Помню свой спор с одним из местных журналистов о соотношении проката советских и американских фильмов на экранах двух стран. Он смог назвать всего лишь две-три картины, я привел десяток. На одной из встреч услышал такую фразу: «Ваши фильмы глубоко эмоциональны, и это застает врасплох». Что ж, не единственный случай во время нашей поездки, когда интервьюеры попадали врасплох. На многочисленных пресс-конференциях, дискуссиях нам задавали сотни вопросов, среди которых были такие, что и удивляли, и сердили, а то и просто заставляли улыбнуться. И было приятно, когда эти встречи заканчивались под одобрительные возгласы присутствующих.

Вымыслы, клевета в адрес советского образа жизни — почва, питающая умы обывателя. И, в общем, люди не виноваты, что вместо доподлинного им предлагают суррогат, приготовленный на политической кухне. Должен сказать, что меня потрясло упорство, с коим деятели от искусства «оберегают» умы своих соотечественников. Пресловутый «хэппи-энд», вжившийся в продукцию Голливуда давно и весьма прочно, напоминает манную кашу с малиновым вареньем, проглотить которую не составляет труда. А ведь есть настоящее искусство в США, действительно интересные работы.

Недавно американское телевидение показало картину, рассказавшую соотечественникам о том, что их ждет на следующий день после ядерной войны. Потрясенные зрители увидели результат атомного безумия...

Известно, что есть картины в американском кинематографе, где образ советского солдата клеветнически показан как пример насилия и жестокости. Мне хочется напомнить создателям таких киноизмышлений о событиях сорокалетней давности, когда Европа ждала прихода советских солдат. Издревле воин нашего Отечества был освободителем; кровью, жизнью своей защищал он народы от уничтожения. Освободителем, а не захватчиком. Свидетельство тому могилы русских, советских воинов, обелиски мужества. В больших и малых городах Европы мне доводилось видеть, как люди приносили цветы к каменным плитам славы и памяти. Да, Европа помнит пожар войны, уничтоживший многие миллионы человеческих жизней, памятники культуры, города и села. Для Америки это история, едва донесшаяся через океан и многими ныне забытая.

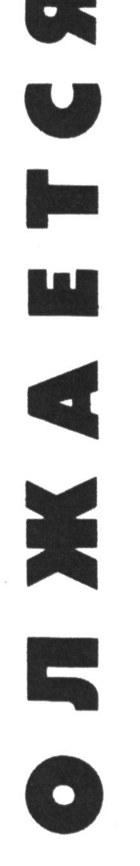
Во время нашей поездки нам был задан вопрос: «Вы заботитесь о мире, почему снимаете фильмы о войне?» Я ответил: помнить о минувшей войне надо вечно. Невозможно забыть блокаду Ленинграда и подмосковную зиму 1941 года, Сталинград и форсирование Днепра... Надо помнить вечно, зримо представлять себе подвиг Матросова, слышать стук метронома, стон раненого бойца. И тогда твое сердце наполнится благородной яростью и поднимется рука, сжатая в крепкий кулак, в призыве ко всем народам планеты: **нет войне!** Одиннадцатилетний школьник в сочинении «Кем хочешь стать, когда вырастешь» написал: «Я буду врачом... если только не будет войны». А спросите его сверстников из Америки, знают ли они о второй мировой войне, как правило, они ответят: «Нет».

В разные годы вышли на экран мои картины «Судьба», «Особо важное задание». Эти фильмы — о войне, о времени, когда шел экзамен прочности человека и на фронте и в тылу. Сейчас я работаю над лентой, в основу которой положено произведение большого публицистического звучания — «Победа» Александра Чаковского. Это будет повествование о вкладе советского народа в дело мира. Я находился в Германской Демократической Республике, когда было опубликовано Заявление Юрия Владимировича Андропова, и видел, с каким вниманием отнеслись к этому важнейшему политическому документу жители страны. Размещаемые сейчас в Западной Европе «Першинги» и крылатые ракеты — короткий шаг до нового пожара. И страшно представить, чем обернется для человечества его зловещее пламя!

Как никогда за минувшие десятилетия тревожно живет планета. «Мы уже и сейчас живем в слишком хрупком мире,— говорится в Заявлении Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Юрия Владимировича Андропова.— Ответственные государственные деятели должны поэтому оценить происходящее и принять рациональное решение. Уберечь человечество от грозной опасности может и должен только человеческий разум. Мы призываем тех, кто толкает мир по пути все более опасной гонки вооружений, отказаться от несбыточных расчетов достичь таким путем военного превосходства, чтобы диктовать свою волю другим народам и государствам». Наша страна никому никогда не угрожала. Есть множество примеров миролюбивой политики Советского государства, политики бескорыстной помощи и дружбы. Но еще Александр Невский говорил, что если кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет. Для нас эта заповедь не устарела.

Мы должны уберечь нашу планету — ради ее будущего, ради всех детей, ради моего маленького внука, ради тех, кому суждено еще родиться на земле. Я верю в победу разума!

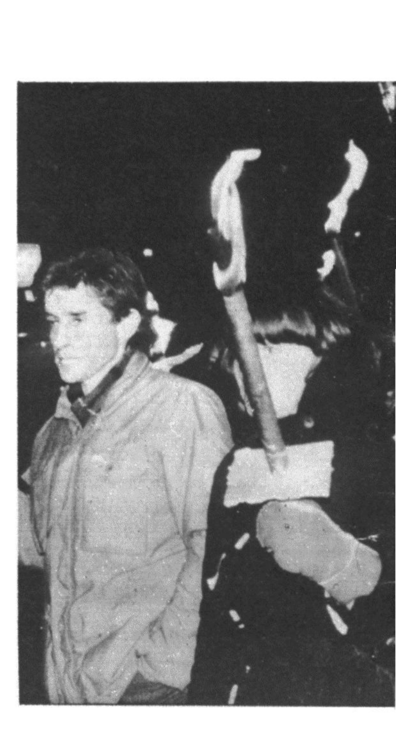

В. КОВНАТ,
корреспондент
Советского телевидения
Фото автора

В двадцатых числах ноября в Федеративной Республике Германии поднялась новая мощная волна протестов против размещения на территории страны и всей Западной Европы американских ядерных ракет.

Когда канцлер ФРГ Гельмут Коль утром 21 ноября выступал в бундестаге, полиция — буквально в двухстах метрах от трибуны федерального канцлера — разогнала демонстрантов слезоточивым газом и струями воды.

Небывалый случай: прямо в зале бундестага группа депутатов

устроила демонстрацию против политики западногерманского правительства. А вслед за господином Колем выступил депутат, потребовавший прервать заседание. «Давайте,— предложил он,— выйдем на улицу — это рядом — и посмотрим, что там творится».

И хотя депутаты бундестага остались в зале и дебаты о размещении в ФРГ американской ядерной чумы продолжались, десятки журналистов вышли на перекресток шоссе Б-9 и улицы, ведущей к зданию западногерманского парламента.

Несколько водометных машин под охраной полицейских с прозрачными щитами хлестали струями холодной воды по демонстрантам, скандировавшим: «Нет американским «Першингам-2» и крылатым ракетам!»

Вслед за глухими хлопками разрывов над демонстрацией поплыли едкие клубы слезоточивого газа. Полицейские хватали демонстрантов и оттаскивали по одному от групп, сбитых с ног ударами водометов. Полиция плотным клином вламывалась в ряды своих соотечественников, разделяя их на мелкие группы и оттесняя подальше от района бундестага. Насквозь промокшие и замерзшие люди выкрикивали проклятия в адрес «блюстителей порядка». Но сила была на стороне полиции...

— Смотрите, что творится,— говорил журналистам дрожащий от холода пожилой человек, с промокшего пальто которого стекали струйки воды,— ведь, судя даже по опубликованным результатам опросов, 75 процентов населения страны высказалось против размещения здесь американской ядерной смерти!

Между тем дебаты в бундестаге продолжались. Металлические изгороди поперек улиц, водометы и батальоны полицейских наглухо закрыли подходы к западногерманскому парламенту. Конечно, мнение большинства народа было хорошо известно всем депутатам. Но бундестаг незначительным большинством проголосовал за ракеты, принял роковое решение...

Журналистам, спросившим: «Когда начнется размещение?» — ответили: «Уже сегодня!» Все было решено заранее. Итак, Федеративная Республика Германии превратилась в стартовую площадку для американского ядерного оружия со всеми вытекающими из этого последствиями. Депутаты, проголосовавшие вопреки воле большинства населения страны, видимо, забыли уроки истории.

Демонстрации тем временем продолжались. Струя из водомета сбила плакат «Рейган — это атомная смерть», подбросила его в воздух, и плакат несколько секунд парил над людьми, падающими на мокрый асфальт под тугими ударами холодных струй воды...

Демонстрации и митинги шли и поздно вечером. В центре столицы ФРГ и в других городах состоялись факельные шествия протеста.

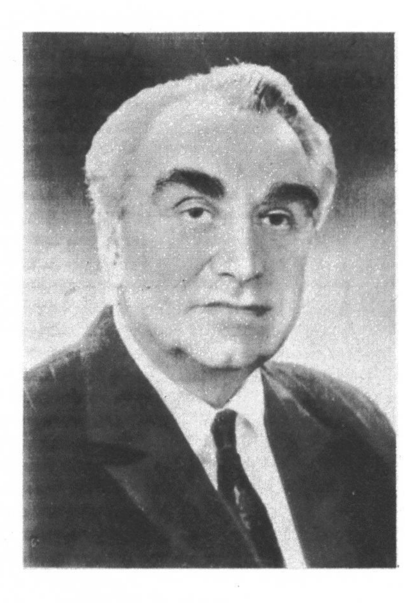
10 декабря мы приехали в небольшой город на юге страны Мутланген. Это очень красивый и благоустроенный городок, излюбленное туристами место. Но сегодня именно здесь расположена огромная американская военная база, именно здесь, как говорят местные журналисты, находится центр управления «Першингами», размещаемыми в нескольких районах ФРГ.

К этому дню база была обнесена дополнительным металлическим забором, сотни полицейских охраняли его, когда сюда двинулись тысячи демонстрантов. Рабочие, служащие, студенты шли под лозунгами: «Народ сказал «нет» ракетам, бундестаг сказал «да», «За жизнь для наших детей и нас — против ядерной смерти», «Мы против гибели Европы ради американских интересов».

Врачи Мутлангена пришли к американской базе с символическими черными крестами и поставили их у самого забора. В это время серое зимнее небо над базой окрасилось бордовыми лучами низкого солнца, и на этом фоне черные кресты выглядели суровым предупреждением всем, кто пытается ввергнуть человечество в атомную катастрофу...

Григорий Васильевич
АЛЕКСАНДРОВ

Советская культура понесла тяжелую утрату. На 81-м году жизни после тяжелой болезни скончался выдающийся советский кинорежиссер, член КПСС, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственных премий СССР, народный артист СССР Григорий Васильевич Александров.

Творческая деятельность Г. В. Александрова началась в период гражданской войны во фронтовом драматическом театре политотдела 3-й армии на Урале. В 1921 году он стал актером и режиссером рабочего театра в Москве, с 1924 года начинает работать в кинематографе. Под руководством С. М. Эйзенштейна участвует в создании фильмов «Стачка», «Броненосец «Потемкин», «Октябрь», заложивших основы советского революционного киноискусства. Признание советских и зарубежных зрителей пришло к Г. В. Александрову в тридцатые годы, когда им были поставлены кинокомедии «Веселые ребята», «Цирк», «Волга-Волга», «Светлый путь».

Широкий круг творческих интересов режиссера нашел отражение в таких его картинах, как «Встреча на Эльбе», «Весна», «Композитор Глинка». Многие годы Г. В. Александров трудился над восстановлением советской киноклассики, над завершением начатого еще совместно с С. М. Эйзенштейном фильма «Да здравствует Мексика!».

Творчество Г. В. Александрова отличают высокая гражданственность и партийность, его яркие и оптимистические произведения активно утверждают советский образ жизни. Творческую работу он сочетал с активной общественной деятельностью, в годы Великой Отечественной войны возглавлял художественное руководство студией «Мосфильм», был одним из организаторов Союза кинематографистов СССР. Г. В. Александров вел большую работу в Советском комитете защиты мира, Комитете по международным Ленинским премиям «За укрепление мира между народами», в Союзе советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами, являясь президентом общества «СССР — Италия».

Коммунистическая партия и Советское государство высоко оценили заслуги Г. В. Александрова. Ему присвоено звание Героя Социалистического Труда, народного артиста СССР, он лауреат Государственных премий СССР, награжден тремя орденами Ленина, тремя орденами Трудового Красного Знамени, орденами Дружбы народов, Красной Звезды, медалями, государственными наградами ряда зарубежных стран.

Художник-коммунист, горячий патриот своей Родины, человек исключительной душевной щедрости Григорий Васильевич Александров весь свой талант отдал служению советскому народу, Коммунистической партии, социалистическому искусству.

Ю. В. Андропов, Г. А. Алиев, М. С. Горбачев, В. В. Гришин, А. А. Громыко, Д. А. Кунаев, Г. В. Романов, Н. А. Тихонов, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, В. В. Щербицкий, В. И. Воротников, П. Н. Демичев, В. И. Долгих, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев, Э. А. Шеварднадзе, М. В. Зимянин, И. В. Капитонов, К. В. Русаков, Н. И. Рыжков, Г. Ф. Сизов, Ф. Т. Ермаш, Л. А. Кулиджанов, В. Ф. Шауро, В. Г. Афанасьев, Р. Ф. Дементьева, А. А. Епишев, З. М. Круглова, С. Г. Лапин, Г. М. Марков, В. Ф. Промыслов, Б. И. Стукалин, С. А. Шалаев, А. В. Романов, Т. Н. Хренников, Ю. С. Афанасьев, Ю. Я. Барабаш, В. Е. Баскаков, А. В. Баталов, С. Ф. Бондарчук, Е. И. Габрилович, С. А. Герасимов, В. Н. Ждан, А. Г. Зархи, А. М. Згуриди, И. В. Ильинский, Н. А. Крючков, Т. Ф. Макарова, Е. С. Матвеев, В. М. Мишин, С. В. Образцов, Ю. Н. Озеров, Б. В. Павленок, М. В. Пашков, Н. А. Пономарев, Р. Я. Плятт, Ю. Я. Райзман, Ф. Г. Раневская, А. М. Роганов, С. И. Ростоцкий, Е. В. Самойлов, В. В. Санаев, Н. Т. Сизов, Н. Я. Сычев, В. В. Тихонов, И. Е. Хейфиц, М. И. Царев, Г. Н. Чухрай, С. И. Юткевич.

Анна Тимофеевна Гагарина. Фото Г. Калачьяна (ТАСС)

СЕРДЦЕ МАТЕРИ

«Очень я люблю свою маму и всем, чего достиг, обязан ей». Так не раз говорил с глубокой нежностью Юрий Алексеевич Гагарин...

Со всех сторон едут сегодня в старинный Гжатск, а теперь Гагарин люди, чтобы поздравить мать первого космонавта планеты — Анну Тимофеевну с ее восьмидесятилетием, с высокой наградой Родины — орденом Дружбы народов.

Трудная, прекрасная и трагическая судьба выпала на долю этой удивительной русской женщины, мужественной, умной, нежной. Родилась она в конце декабря 1903 года в семье питерского рабочего Тимофея Матвеевича Матвеева. Отец попал на Путиловском заводе в аварию, работать там больше не смог. И поехали Матвеевы на Смоленщину, надеясь как-то прокормиться в деревне. Здесь и прошла ее жизнь, здесь полюбила и вышла она замуж за плотника Алексея Ивановича Гагарина, здесь родила и воспитала детей.

Одной из первых вступила семья Гагариных в артель, муж плотничал, Анна Тимофеевна работала дояркой. Окончила курсы, стала мастером «молочного дела».

А потом — война. В своей книге «Дорога в космос» Юрий Гагарин вспоминал о тех тяжелых днях, о том, как фашисты заняли избу Гагариных, выгнав семью на улицу, как тревожилась мать о них, детях, как рыдала, когда фашистский молодчик Альберт, живший в их доме, шутки ради хотел повесить на детском шарфике маленького Борю, как, глотая слезы, бежала мать за эшелоном, увозившим в Германию старших ее детей — Валентина и Зою...

Но она пережила свое горе, выстояла, победила, как ее Родина, ее народ. Семья вновь собралась вместе. И не знала, не гадала Анна Тимофеевна, что ждут ее великие испытания, великий подвиг...

Мать первого космонавта планеты!.. Помню, как на одной из встреч журналистов с Юрием Гагариным он рассказал, как на аэродроме во Внукове, когда докладывал руководителям партии и правительства о выполненном задании Родины, увидел на трибуне улыбающуюся сквозь слезы счастья жену Валю, отца, мать, братьев, сестру — своих самых родных, любимых. Потом отец молча обнял сына, а мать шепнула: «Ты, Юра, теперь у всего света на виду. Спрос-то с тебя какой!» «Я все понял, мама»,— тихо ответил Юрий. «Ну вот и хорошо!» — просто сказала Анна Тимофеевна.

Нет сегодня с нами ее Юрия, но все те, кто вслед за ним взлетают в космос, работают там,— они тоже ее дети. Недаром так любят Анну Тимофеевну, так чтут ее советские космонавты. Вот и сегодня в этот ее праздник они рядом с ней.

«Я думаю о том, что нет еще у нас памятника Матери космонавта,— сказал друг и дублер Юрия Гагарина в его первом полете Герман Степанович Титов.— А наши мамы заслужили его... Космонавты летают, а материнское сердце ведет свой, особый отсчет их полету».

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

ЮБИЛЕЙ ЖУРНАЛА «ЗВЕЗДА»

Широкую дорогу новому «толстому» журналу в городе на Неве открыла напечатанная в его первом номере статья В. И. Ленина «О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме». Она определила направление, учила по-марксистски понимать современную эпоху. Вместе с тем, писал первый редактор «Звезды» И. Майский, эта ленинская статья послужила знаком того, что журнал будет не только сплачивать вокруг себя силы молодой советской литературы, но и помогать партии в решении сложнейших вопросов нашего общественного развития.

У колыбели «Звезды» стоял и А. М. Горький. Журнал опубликовал его замечательный очерк «В. И. Ленин», третью книгу эпопеи «Жизнь Клима Самгина» и другие произведения.

Многое из того, что появилось в те годы на страницах ленинградского журнала, является сегодня классикой советской литературы. Здесь впервые увидели свет повести и рассказы А. Толстого, К. Федина, Б. Лавренева, О. Форш, Ю. Тынянова. В разные периоды в журнале широко было представлено творчество С. Есенина, Д. Бедного, Н. Асеева, П. Антокольского, Б. Пастернака, М. Светлова, А. Твардовского, поэтов-ленинградцев А. Ахматовой, А. Прокофьева, Н. Заболоцкого, О. Берггольц, Вс. Рождественского, Б. Корнилова...

С каждым годом «Звезда» крепла, продолжала сложившиеся традиции, последовательно отстаивая в своих материалах принципы социалистического реализма, выдвигаясь в число ведущих литературно-художественных и общественно-политических ежемесячников страны.

До войны в Ленинграде выходили десятки журналов, в блокаду — одна «Звезда», хотя и с перерывом зимой 1941/42 года, иногда сдвоенными номерами и несколько «похудевшими» из-за недостатка бумаги... Журнал хорошо знали как на передовых позициях, так и на заводах и фабриках осажденного города. В «Звезде» тогда сотрудничали писатели, оставшиеся в Ленинграде, и те, кто находился на ближайших участках фронта. Большой вклад в работу журнала вносили ученые, деятели искусств. Печатным словом они звали громить ненавистного врага.

В послевоенные годы на страницы журнала пришло новое, фронтовое писательское поколение: С. Антонов, Вс. Кочетов, С. Воронин, М. Дудин, С. Орлов. Их быстрый творческий рост во многом был связан с «Звездой». Здесь дебютировал молодой Д. Гранин, публиковались произведения В. Смирнова, Г. Медынского, Э. Межелайтиса...

В конце шестидесятых — начале семидесятых годов «Звезда» предоставила свои страницы ряду крупных прозаических полотен, в которых поднимались насущные проблемы коммунистического воспитания, широко освещалась военно-патриотическая тема. Достаточно вспомнить трилогию Ю. Германа «Дорогой мой человек», повесть М. Алексеева «Хлеб — имя существительное», роман Вс. Кочетова «Секретарь обкома» и многие другие произведения, завоевавшие признание читателей.

Появились у «Звезды» и новые авторы, в их числе В. Шукшин, В. Добровольский, Г. Гулиа. Продолжали активно печататься в журнале И. Соколов-Микитов, М. Слонимский, В. Шефнер, А. Володин, Ф. Абрамов... Большим читательским успехом пользовались, подчеркнем это особо, целевые номера, посвященные юбилейным датам Пушкина, Толстого, Блока, декабристов. Запомнилась читателям «Звезды» и интересная публицистика.

Журнал всегда уделял пристальное внимание теме интернациональной дружбы. Были выпущены специальные номера, посвященные различным зарубежным литературам, публиковались произведения лучших зарубежных авторов.

«Звезда» ведет активную шефскую работу в разных уголках страны, ее пост открыт на одной из ударных строек — Саяно-Шушенской ГЭС.

Многочисленные читатели «Звезды» будут ждать новых интересных встреч на страницах любимого журнала.

А. ВАСИЛЬЕВ

ЧИТАТЕЛЬ ЗАИНТЕРЕСОВАН: ПРЕДЛАГАЕТ, КРИТИКУЕТ

Я читаю «Огонек» с 12 лет. Поэтому с интересом отнесся к предложению обсудить планы редакции.

Приближается 40-летие Победы над фашистской Германией. Больше рассказывайте о сражениях Великой Отечественной, не забывайте о работе тыла, чаще публикуйте военные фотографии тех лет.

Сам я — специалист в области сельского хозяйства, но считаю, что военно-патриотическое воспитание — очень важное звено в общей цепочке воспитания подрастающего поколения.

В. ПАВЛЕНКО, 49 лет
Полтава.

Журнал всесторонне знакомит читателей с шедеврами живописи, скульптуры, архитектуры. Меня радуют статьи, связанные с охраной памятников старины, их реставрацией. Продолжайте и впредь эту тему в журнале.

Очень интересны материалы о находках документов у нас и за рубежом, связанных с жизнью и деятельностью писателей и художников. Запомнились выступления И. Зильберштейна, Н. Скатова, Д. Лихачева. Люблю читать материалы, посвященные юбилеям писателей, актеров, деятелей искусства, сопровождаемые фотографиями. Это всегда интересно, мы любим и сохраняем юбилейные журналы.

Ю. И. НОВОСЕЛОВ,
инженер-конструктор
Новосибирск.

К сожалению, в Ленинград журнал стал приходить с опозданием на 3—4 дня. Хотелось бы получать его в понедельник, а еще лучше в воскресенье. Все-таки Ленинград рядом, это не Хабаровск и не Владивосток.

Спасибо «Огоньку», что за последние годы я мог прочитать романы Ю. Бондарева «Берег» и «Выбор», роман М. Алексеева «Драчуны», напомнивший наше детство. Попробуйте купить в магазинах Ленинграда эти книги. Это невозможно, так же как нигде, кроме «Огонька», невозможно прочитать произведения Ц. Солодаря «Фарисеи» и «Укрыватели». А разве не интересна повесть Л. Млечина «Обстоятельства смерти господина N», разоблачающая работу ЦРУ? Очень нужны мне как политинформатору злободневные публикации на актуальные международные темы.

М. К. МИХАЙЛОВ,
ветеран Великой Отечественной войны
Ленинград.

«Огонек» публиковал очень интересные и острые материалы по охране природы. Хотелось бы, чтобы впредь таких материалов было еще больше. Какие приняты меры для спасения зубров, бобров, соболей и других животных? Расскажите, как восстанавливаются загубленные леса, реки, озера.

Г. ВАЛК
Костополь
Ровенской обл.

Очень важно, что журнал постоянно приобщает широкую массу читателей к сокровищам мирового и современного искусства. Я, например, когда работала в глухой периферии, эстетическое воспитание своих детей начала именно с репродукций «Огонька». Теперь они взрослые люди, глубоко, квалифицированно разбирающиеся в искусстве, перечитавшие множество книг о художниках, но я смею надеяться, помнят свои первые шаги освоения живописи по журнальным вырезкам.

Но и сегодня в школах небольших городов, поселков, на отдаленных стройках (да и в семьях тоже) создают нечто похожее на картинные галереи, состоящие из лучших репродукций «Огонька». Часто любимые работы художников вставляют в рамки и украшают ими свою квартиру.

Поэтому, когда вы помещаете репродукции мастеров кисти или молодых художников, публикуйте обязательно рядом статьи, которые расскажут об их биографии, школе живописи, эпохе.

Помните, что журнал ждут и его вкладки пополняют семейные и школьные коллекции. Именно с этих позиций надо отбирать репродукции.

Т. Ф. ПУГИНСКАЯ,
читательница «Огонька» с 1926 года
г. Пушкино
Московской обл.

ОТ РЕДАКЦИИ. В анкете, опубликованной в № 33 «Огонька», мы обратились к вам, дорогие читатели, с просьбой принять участие в заочном «круглом столе»: редакция хочет знать, что вам нравится и что не нравится в журнале, каковы ваши критические замечания, пожелания, какие темы волнуют вас, чтобы учесть все это в планах на 1984 год. Нам важен любой совет, который поможет сделать «Огонек» еще содержательнее, интереснее, ярче.

Читатели заинтересованно откликнулись на нашу просьбу. Часть писем была опубликована в №№ 40 и 44, некоторые отклики мы публикуем сегодня. Коллектив журнала продолжает изучать ответы на вопросы анкеты. Мы благодарим всех, кто высказал свои замечания, пожелания в адрес журнала. Вашим письмам, дорогие читатели, редакция всегда рада!

В ЭТИ ПРЕДНОВОГОДНИЕ ДНИ

СВЕТЛЫЙ ГОД В ПОДЗЕМЕЛЬЕ

В канун праздника на вопросы корреспондента «Огонька» отвечает бригадир проходчиков минского «Метростроя» П. И. Тихомиров.

— Вы, Петр Иванович, как сквозь землю провалились,— сказал я Тихомирову, когда мы наконец-то встретились.— Вас невероятно трудно найти!

— А дел-то сколько! — ответил он и улыбнулся.— Под землей я, между прочим, давным-давно. В канун Нового года, хочешь не хочешь, всегда подумаешь: как быстро бежит время! В декабре справил свое пятидесятилетие. Примерно тридцать лет под землей. Строил тоннели на дороге Абакан — Тайшет, метро в Москве... Вот уже несколько лет на минском метро. Прошел со своей бригадой три перегона. Теперь задавайте вопросы.

— На Новый год обычно загадывают желания. Какие были у вас на тысяча девятьсот восемьдесят третий?

— Трудные желания загадал... А другие не мог. Год предстоял очень сложный: минским метростроевцам выпало завершить проходку тоннелей первой очереди. Я с бригадой должен был одолеть сложнейший перегон — от площади Победы до Госцирка — на пути река Свислочь. Тоннели неглубокие, а воды кругом — море. Конечно, опасались, что она нам помешает. А сроки жесткие... Я и загадал: хорошо пройти!

— Сбылось?

— Заставили сбыться! Искали-думали, как бы речку в тоннель не поймать. Знаем верный способ — заморозить грунт. Но трудоемко и дорого. Мы использовали старый, дедовский: «загнали» на время Свислочь в трубы, отвели от трассы. Она, правда, бунтовала, один раз прорвалась в тоннель. Мы ее уняли. Не дали подмочить нашу репутацию. Словом, справились. Денег тысяч триста сэкономили, если не больше.

— Загаданное желание, видно, подкреплялось большой верой?

— Да! Верой в своих ребят. Двух молодых хлопцев звеньевыми выдвинул — Сашу Гудея и Валерия Зайца. Оба недавно пришли из профтехучилища, а теперь — мастера. Звенья им доверил, как самому себе...

— Выходит так, что если б вас на минскую елку Дедом Морозом отправить, то подарок городу добрый припасен вами?

— Точно! Проходку тоннелей закончили досрочно, план строительно-монтажных работ наш участок завершил к первому ноября. За третий квартал получили Знамя управления «Метростроя». Так что подарок готов.

— Ну, а на восемьдесят четвертый желание загадали?

— Оно у меня опять трудное. К сорокалетию освобождения Белоруссии от фашистских захватчиков первую очередь метро открыть должны. Представляете, как ответственно?! Хлопот еще полно. В январе новую трассу начнем. Тоже задача не из простых... Загадываю и ее решить на «отлично». Загадываю успехи дочерям, особенно младшей — Алене. Она на инженера-строителя учится. Всей семье благополучия хочу.

— У вас фамилия звучная — слово «мир» в ней...

— За него, за Мир, мы все дружно, настойчивее прежнего бороться будем!

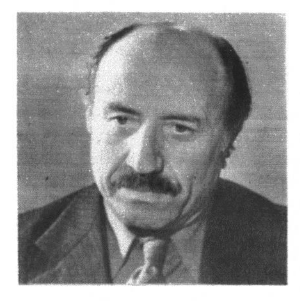
Беседу вел А. ЩЕРБАКОВ.

На снимке: П. И. Тихомиров с товарищами по бригаде.
Фото Ю. Иванова

Я ЗА ВАС СРАЖАЛСЯ, ПАВШИЕ

РЕКВИЕМ ФЕДЕРИКО ГАРСИА ЛОРКЕ

Кайсын КУЛИЕВ

О, как грустен твой день, Гранада,
Даже камни твои в слезах.
Гарсиа Лорка.

1

У дороги, ведущей к Гранаде,
Точно дерево под топором,
Пал поэт. Он упал на землю,
На ту землю, чьи ел плоды,
Что пропахли свежей росою.
Пал на землю, куда приходят
И зима, и осень, и лето
И куда приходит весна.
Кровь поэта земля впитала,
Та земля, что дала ему кровь,
Эту кровь он вернул ей обратно.
Словно дерево одинокое,
Острым срубленное топором,
В его гордых и горьких песнях,—
Лорка наземь упал близ Гранады,
У дороги. О черный час!
Поглядеть на милое небо,
В миг последний его увидеть,
Зажимая рукою рану,
Он, должно быть, все же успел...
О увиденное перед смертью
В час последний поэта небо!
Федерико, о Федерико!
Горе—камень, объятый пламенем!
Небо, вырос он под которым,
Небо, что для него сияло,
Небо, что для него каждый вечер
Зажигало так много звезд,
Небо, что своею лазурью
Столько раз ему счастье давало,
Небо, где облака проплывали,
Небо, что для него струило
Лунный свет,— он не мог не увидеть
В свой последний, в свой смертный миг.
Он глаза б не закрыл навеки,
Не увидев неба. И песня,
Обращенная к этому небу,
В час последний жила в его сердце...
У дороги, ведущей к Гранаде,
Сброд фашистский убил поэта,
У Гранады, его Гранады,
Что на рай бы он не променял!
Федерико, о Федерико!
Горе — дерево обожженное.

2

О великий поэт Испании,
Лорка — щедрый Испании дождь,
Стон глухой ее грустной гитары,
Смех веселой ее гитары,
Песнь бессмертной ее гитары...
А его фашисты убили...
Только разве песня поэта
Погибает? Разве погибнуть
Может радость и боль народа?
Разве могут погибнуть надежды,
И мечта, и слава народа?
Близ любимой его Гранады
Сброд фашистский убил поэта.
Федерико, о Федерико!
Горе — поле, спаленное засухой.

И дороги, которыми Лорка
Шел, скитался, надели траур,
Черный траур надели дороги.
И любимое Лоркой небо,
Небо синее — в черном трауре.
И надели траур каменья,
И надели траур деревья,
Облака облачились в траур,
Вся земля была в трауре черном,
Вся воспетая Лоркой земля.
Как берет она самых лучших,
Так взяла к себе Лорку земля
И надела траур по Лорке.
Та земля, где цветы вскипают,
Та земля, где кочуют ветры,
Та земля, где струятся реки,
Та земля, где белеют горы,
Та земля, где шумят деревья,
Та земля, где лепечут травы,
Та земля, где звенят дожди,
Та земля, где огни мерцают,
Та земля, где смеются дети,
Где так девушки нежно поют,
Та земля, что любил он всех больше,
Кровь поэта впитала, как влагу
Оросившего поле дождя.
Тогда те, кто сражался за эту
За воспетую Лоркой землю,
Крепче сжали в руках оружие,
И заплакал Гвадалквивир
В час, когда убили фашисты
Близ Гранады Гарсиа Лорку.

3

Как оплаканный им в горькой песне
Матадор, в пять часов пополудни
Черным рогом быка пронзенный,
Пал поэт, палачами убитый.
Облака, обступившие горы,
Облились дождями-слезами,
И поля в предрассветной прохладе
Засверкали слезами росы,
И на тучах угрюмых в небе
Лезвия кинжалов сверкнули.
Это были знаки возмездья,
Неподвластные ржавчине лет,
Знаки вечно юной свободы.
Федерико, о Федерико!
Горе — мать, что от слез ослепла.

У дороги, ведущей к Гранаде,
Великого барда Испании
Убили враги поэзии,
Убили песни враги.
Радости, трав и зерен — враги,
Цветов и лунного света — враги,
Весны и теплых лучей — враги,
Серебряных чистых ручьев — враги,
Мерцанья высоких звезд — враги,
Рассвета и доброго солнца — враги,
Детей всех племен и стран — враги
И счастья всех матерей — враги.
Рабочего мирного утра — враги,
Свободы, добра и правды—враги,
Младенцев новорожденных — враги,
Любви, надежды и жизни—враги.
Палачи, что прокляты хлебом и солью,
Палачи, что прокляты чистотой молока,
Убили великого поэта Испании,
Друга детей, посланца добра.
Цветы земли поэта оплакали,
И я разрыдался, оплакал его.
О Федерико, о Федерико!
Горе—нива, что градом повыбита.

У Гранады, своей возлюбленной,
У родимой своей Гранады,
Поглядев на небо так горестно,
Рухнул наземь, упал поэт.
Но не может песня погибнуть,
Но не может песня упасть!
Песня всех палачей сильнее.
И взлетели слова поэта,
И взлетели стихи поэта
В небо синее, как ракеты,
Словно молнии, тучи пронзили.
Так длинны их пути на землю,
Так широк этот мир для них!..
Федерико, о Федерико!
Горе — дом, подожженный молнией.

4

На фронтах я бился с фашистами
За твою пролитую кровь,
Федерико, мой брат Федерико!
Я за всех вас сражался, павшие
От жестокой руки палачей.
За твою, Федерико, поэзию,
За поэзию всей земли
Я сражался с фашистской нечистью.
О цветах писавший так много,
Свою первую книгу назвавший
«Здравствуй, утро!» — я, если пролил
Кровь убивших тебя фашистов,
Разве буду землей обвинен я?
Разве звезды меня обвинят?
Разве станут винить меня дети
В том, что вражью я кровь проливал?
Нет! Они меня в бой послали,
Я их волю исполнил, и кровь,
Что, сражаясь за них, я пролил,
Черной кровью фашистов была,
Палачей отравленной кровью!
Если в бой не вступить с палачами,
То они убьют и поэзию,
Сердце всей поэзии мира
Их проклятые пули пробьют.
С палачами надо сражаться!
Федерико, о Федерико!
Горе — черная весть среди ночи.

Синеву андалузского неба,
И прохладу испанской Сьерры,
И испанских вкус апельсинов,
И огонь испанского танца,
И Испании радость и горе,
И отвагу тореадора
Подарил мне Гарсиа Лорка.
Даже тень понурого мула,
По тропинке бредущего в гору,
Даже боль упавшего дерева
Подарил мне Гарсиа Лорка.
Федерико, о Федерико,
О Гарсиа Лорка — мой брат!

5

Так мне близок Гарсиа Лорка,
Так мне дорог, как будто вместе
В детстве жили в балкарской сакле
Мы в ауле горном моем.
Словно вместе мы с Федерико
Ели в детстве орехи лесные
Под балкарских деревьев сенью,
Словно нас кормила балкарка
И безмолвно мы пожимали
Ее темные пальцы худые —
Так мне дорог Гарсиа Лорка.
Словно в снежных горах Жуунгу
Моя мама Узеирхан
Нас обоих вскормила грудью.
Словно мать моя зимним днем
У горящего очага
Долго штопала наши бешметики—
Так мне дорог Гарсиа Лорка.
И, должно быть, в Испании матери
На балкарскую мать похожи,
И, должно быть, мать Федерико
Была худенькой, как моя,
И, должно быть, она испытала
Так же много, как мать моя...
Лорка, те, что тебя убили,
И в меня, и в меня стреляли,
В сына матери моей метили,
Только он остался живым.
Федерико, о Федерико,
Лорка, брат мой с чистою кровью,
Палачами убитый мой брат!..

ЯЗЫК МОЕЙ МАТЕРИ

О матери моей язык, где песнь ее жива,
Язык, который дорог мне, как жизнь, как мир земной,—
О, если онемеет он, замрут его слова,
И если смерть к нему придет, как смерть придет за мной...

О, если будет так, то я, и превращенный в прах
И ставший глиной над рекой, издам беззвучный крик:
Ведь я готов был жизнь отдать, чтоб в песнях и речах
Жил матери моей язык, моей земли язык.

Ты вместе с матерью моей над зыбкою моей
Склонялся, мой язык родной, исполненный добра,—
Вдруг ты умрешь! И на земле не станет уж людей,
Чтоб на тебе произнести: Жизнь, Хлеб, Любовь, Гора!

Найдется, может быть, тогда ученый хоть один,
Что, с переплетов пыль стряхнув, моих коснется книг
И с горечью при свете звезд над скалами теснин
Подумает: проходит все — судьба, любовь, язык...

Я верю: книги прочитав, ученый тот поймет,
Как в радости был светел я, как в горе горевал,
Как стоек был, перенося беды великой гнет,
И как в ночах беззвездных шел я через перевал...

Ах, неужели будет так, что лишь один знаток
Поймет язык моей земли и смысл моей строки?
Вновь в эту ночь покрою я страницы вязью строк,
Не разуверясь, не боясь, забвенью вопреки!

Что я решил и в черный час тебе не изменять,
О мужественный мой язык, тому свидетель ты,
Язык мой, мудрый, как отец, и ласковый, как мать,
Язык, упорный, как народ, как горные хребты.

И если даже будет так, что в некий дальний год
Один лишь кто-то на земле в суть вникнет книг моих —
И это благо для меня: язык в них оживет,
И пусть потомок подтвердит, что лжи немного в них!

Перевел с балкарского
Лазарь Шерешевский.

В. Лебедев. 1891—1967. РАБФАКОВКА. 1937.

Омский музей изобразительных искусств

Б. Кустодиев. 1878—1927. У ОКНА. 1910.

Омский музей изобразительных искусств

30 декабря 1947 года Румыния провозглашена народной республикой. С 1965 года — Социалистическая Республика Румыния.

В канун Нового года мы знакомим наших читателей с очень популярным в стране театром, который называется «Цэндэрикэ».

«ЦЭНДЭРИКЭ»

«Петрушка» Стравинского на сцене театра «Цэндэрикэ».

В. САМОШКИН

Цэндэрикэ — румынский кукольный персонаж, родной брат нашего Петрушки. Этим именем называется и бухарестский кукольный театр, который в Румынии очень любят и взрослые и дети. Много лет руководит им Маргарета Никулеску.

— Как это получилось — сама не знаю, — с улыбкой вспоминает она. — В кукольном театре меня привлекает простор для фантазии и изобретательности. Кукла позволяет режиссеру полностью выразить себя...

В пору становления театра Маргарета встречалась с Сергеем Образцовым, с которым познакомилась еще на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве. Она и сегодня не перестает восхищаться его неувядаемым талантом и творческой энергией.

За три десятилетия своей профессиональной жизни «Цэндэрикэ» поставил более ста спектаклей по произведениям мировой и румынской драматургии. Многие современные румынские писатели, как, например, известная поэтесса Нина Кассиан, пишут специально для «Цэндэрикэ». Большое место в репертуаре занимает русская и советская драматургия. Вот лишь несколько примеров: «Сказка о потерянном времени» и «Голый король» Е. Шварца, «Конек-Горбунок» П. Ершова, «Кошкин дом» С. Маршака, «Катя и Крокодил» Н. Гернет, «Петя и Волк» С. Прокофьева...

«Цэндэрикэ» четырежды удостаивался высших наград на международных фестивалях кукольных театров. Его постановки приводили в восторг публику в тридцати странах, в том числе и у нас в СССР.

— Главный наш зритель — дети, — рассказывает Маргарета Никулеску. — Мы стараемся воспитывать у них художественный вкус, гражданское отношение к жизни, прививать им высокие нравственные понятия. Например, спектакль «Голый король» по пьесе Евгения Шварца, сатирический по своему характеру, помогает воспитывать детей в демократическом духе.

Я видел в этом театре блистательный спектакль, посвященный столетию замечательного русского композитора Стравинского. Зритель попадает в пеструю атмосферу ярмарки: здесь и большие, в рост человека, куклы-маски, и актеры пантомимы, исполняющие русскую пляску, и, наконец, «театр в театре» — маленький балаганчик с марионетками, на сцене которого при стечении ярмарочной «публики» и разворачивается драма несчастной любви Петрушки. Артисты, управляющие марионетками, не спрятаны от зрителя и как бы тоже становятся персонажами спектакля. Драматический накал, звучащий в музыке Стравинского, усиливается оригинальной режиссерской находкой: смертельно раненный Петрушка покидает сцену балаганчика и, ведомый кукловодом, выбегает на «рыночную площадь», то есть основную сцену, и здесь при всем честном народе прощается со своей любовью и жизнью.

Вторая часть спектакля — полная юмора опера-буфф «Лисонька». Только заглавную роль исполняет кукла, а историю спесивого Петуха и двух его приятелей — Козла и Кошки разыгрывают настоящие, хорошо известные солисты румынской оперы.

— Довольно неожиданно для кукольного театра?

— А разве это не естественно? — отвечает молодой режиссер спектакля Ирина Никулеску, принявшая эстафету от матери.— Разве драма Петрушки происходит не в кукольном театре? Я убеждена, что вместе с артистами и куклы и музыкальные инструменты как бы обретают новую жизнь. Я попыталась так истолковать музыкальный текст, чтобы главным носителем замысла была кукла.

Одна из последних работ театра — «Добрый молодец, рожденный из слезы». Это не просто переложение сказки Михая Эминеску, а путешествие в мир его поэзии и философии. Приключения доброго молодца Фэт-Фрумоса, его встречи с бабой-ягой, драконом, красавицей Иляной символизируют жизненный путь человека, полный радостей и огорчений. В ткань спектакля искусно вплетены шедевры лирики поэта, звучащие в исполнении известных мастеров румынской сцены.

— Эминеску — самый большой румынский поэт. Спектакль — это попытка воплотить в зрительных образах основные мотивы его творчества и дать детям поэтический театр,— говорит Маргарета Никулеску. — Мне кажется, что под влиянием НТР наши дети неплохо разбираются в технике, но мало знают поэзию. Театр должен давать им больше пищи для чувств и воображения, что-то захватывающее, чтобы они по-настоящему переживали.

С наступлением весны «Цэндэрикэ» каждый год отправляется в городские парки, школьные дворы. Зелень трав и деревьев становится как бы продолжением театральных декораций. Таким приближением к зрителю театр еще больше утверждает за собой право называться народным.

Бухарест — Москва.

В ЭТИ ПРЕДНОВОГОДНИЕ ДНИ

ЕЛКИ-«ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ»

Во дворе, образованном стандартными семиэтажками, стайка ребятишек сажала лес. Они увлеченно работали лопатами, выкапывая ямы и втыкая в них молодые елочки. Снег еще не слежался, копать было нетрудно, и ямы получались глубокими. На некоторых деревцах еще сохранилась новогодняя мишура. Они выстроились в ряд, вкопанные в снег, получилась целая аллея из елок, казавшихся совсем живыми. Петр Коробко смотрел на них с жалостью. Он, лесник по образованию и призванию, знал, что эти елки умерли, когда их спилили в лесу, и никакой живой водой их уже не оживишь. Он подумал, что дети, сажающие в снег мертвый лес, вряд ли догадываются, каких огромных трудов и времени стоит вырастить живую елку. А сколько их валяется после празднования Нового года? Сколько кострищ пылает, чадя и коптя, на улицах и во дворах после Новогодья? Нельзя ли как-то это прекратить?

Именно в том дворе лет пятнадцать назад и возникла у Петра Васильевича Коробко, тогда молодого лесника, а ныне старшего научного сотрудника Алма-Атинской лесной опытной станции, идея не рубить елки к празднику, а поставлять их горожанам живыми — с корнями, с приствольным комом земли. Это позволило бы сохранить им жизнь, а весной снова высадить в открытый грунт... Но легко сказать — идея. Как воплотить ее в действительность? Какой породы елки выращивать? В каком возрасте их лучше выкапывать? Какое время они способны существовать в городской квартире без ущерба для своего здоровья? Все эти и многие другие вопросы требовали ответа...

На планете насчитывается всего около полусотни различных видов елей, восемь из которых растут испокон веков в нашей стране, а еще одиннадцать завезены из других краев и тоже прижились. В питомнике опытной станции растут все породы елей, существующие в СССР от восточных до западных границ. Там же несколько лет тому назад посеяли семена, собранные с елей, растущих в Нарыне и Тау-Чилике, близ Пржевальска и Джунгарии, то есть собранные на склонах всех основных хребтов Тянь-Шаня. Это знаменитые необхватные тянь-шаньские ели.

Сотни опытов и годы наблюдений привели Петра Коробко к выводу, что лучше других способны выдержать квартирный комфорт неприхотливые тянь-шаньские елочки, если их поместить с комом земли в корзинки или керамические горшки (в кусок целлофана в конце концов). Они способны при минимальном уходе расти на балконах в течение нескольких лет (у некоторых горожан они живут уже по шесть лет), а под Новый год переселятся дней на десять в квартиры. В прошлом году обладателями живых елок стали более пяти тысяч алмаатинцев. В нынешнем году их число удвоится. Одним из них стал и автор этих строк.

Ю. ЛУШИН,
собкор «Огонька»
Фото автора

Такие елки в Алма-Ате можно купить задолго до Нового года у «настоящего» Деда Мороза.

ЖЕНЯ, МАША, ТАНЯ,

Разве их спутаешь!

Карета на четверых.

КАТЯ И МОССОВЕТ

Галина **КУЛИКОВСКАЯ**,
фото Анатолия БОЧИНИНА

Сон кормящей матери чуток, как у дикой птицы. Даже от шороха способно встрепенуться ее сердце. А если захнычет, заплачет ребенок, она тут как тут у его колыбели. А если в этой колыбельке четверо? Евгении Николаевне сначала показалось, что подала голос Маша, самая маленькая и потому, вероятно, самая шустрая. Таня-лежебока просыпается позже всех. Женя-то большая, крупная, и голос погрубее, ее ни с кем не спутаешь. Впрочем, засомневалась молодая мать, может быть, это не Маша, а Катя? Почмокала, покряхтела. Проснулась или во сне? Однако размышлять уже не было времени. Нарушительница покоя во второй раз громче, с обидой за то, что на нее не обращают внимания, заявила о себе.

«Теперь вы многодетная мама»,— говорила Алла Федоровна Северина, заведующая отделом семьи и брака Моссовета, вручая Евгении удостоверение. Справа — секретарь Севастопольского райисполкома Том Иванович Furodько.

Евгения Николаевна взглянула на светящийся циферблат. Так и есть: десять минут седьмого. Пора. И будильник ставить не надо. Одевалась, не зажигая света, чтоб не потревожить старшую, Юленьку, разметавшуюся в своей кроватке. Растолкала мужа и, вручив ему недовольную кроху, побежала на кухню. Надо поскорее достать из холодильника и поставить в паровую ванну бутылочки с молоком. А там, на кухне, уже вовсю хозяйничала у плиты Мария Дмитриевна. Это в ее честь назвали дочурку Машей. Свекровь готовила завтрак деду. Ведь ему, прежде чем пойти на завод, надо принести из детской кухни шестнадцать бутылочек.

После работы — прогулка с Юлькой. А у отца девочек в те вечерние часы другая забота: ворох белоснежных пеленок. Он главный гладильщик. В этом доме обязанности строго распределены. А пока первый завтрак. Так начинается утро в дружной семье Шашковых, в одночасье ставшей такой большой.

Кто-то из философов сказал, что месторождение нашего счастья в жизни — семья. Счастья или горя. Не вдаваясь в дальние истоки генеалогии молодых Шашковых, отметим, что в мире и согласии прожили бок о бок тридцать лет московский сварщик Николай Федорович и бухгалтер Мария Дмитриевна Шашковы, животновод Николай Иванович и полевод Екатерина Федоровна Замараевы из совхоза «Приокский», что на Калужской земле. Будем надеяться, что так же ладно и дружно пройдут годы и в семье Александра Николаевича и Евгении Николаевны. А дружба и любовь у них начались со встречи в общежитии, где свела их добрая судьба. Они погодки, им было по двадцать четыре — зрелый возраст для создания семьи.

Шашковы-родители ласково приняли невестку: всегда спокойная, приветливая, обязательная... Сколько радости было, когда родилась Юлька! Она как-то очень быстро выбралась из пеленок и превратилась в глазастую дюймовочку-непоседу. Вот тогда-то молодые и возмечтали о сыне. А тут вдруг девочки! Современная наука точно предсказала, сколько их будет, но ошиблась только в сроках. Опытному акушеру Галине Владимировне Бушевой пришлось изрядно потрудиться, принимая семимесячных девчушек! Первой на свет появилась Катя. Легонькая — всего-то 1500 граммов. Бушева потом успокаивала встревоженную роженицу: «Не волнуйся, милая! Принимала я однажды парня весом в 600 граммов, а нынче он в школу пойдет, уже книжки читает. А вот четверни в нашем городе еще не было. Да еще девочки! Говорят, что это добрая примета. Так что вы, гости, осчастливили нас!..»

Счастье.

Ну теперь держись, папа!

Рождение четырех близнецов оказалось сенсационным не только для такого города, как Калуга, где проводили свой отпуск Шашковы, но и для восьмимиллионной Москвы. По официальным данным, это первый случай за последние двадцать лет, и, может быть, не только в столице, но и в стране. К сожалению, точных и за более продолжительное время сведений нет. Однако у наших четверняшек есть весьма серьезные конкурентки в других странах. В 1973 году зафиксировано рождение шести девочек в

ЮАР, в 1980 году такая же шестерна появилась в Италии и совсем недавно, в 1983 году,— в Англии. Глава семейства, маляр Уолтен из Ливерпуля, заявил, что он, конечно, горд и счастлив, но не знает, как удастся ему содержать дочерей. Ведь на их воспитание до 16 лет, как подсчитали специалисты института общественного мнения, понадобится... 500 тысяч фунтов стерлингов — сумма, о которой не может и мечтать английский рабочий.

Естественно, что подобные тягостные раздумья не омрачают бытие Евгении и Александра Шашковых. Можно было бы подсчитать, какие большие расходы предстояли им, окажись они в капиталистической стране или если бы пришлось платить, например, за обучение. На каждого школьника в стране затрачивается в год примерно 170 рублей. Значит, полное среднее образование Жени, Кати, Маши и Тани обойдется государству в 6800 рублей и почти во столько же содержание их в детском саду. А бесплатная медицинская помощь? Ведь на каждого больного затрачивается в день около восьми рублей! Государство взяло также на себя две трети расходов по жилью и коммунальному хозяйству. И все это, как и многое другое, обеспечивается на льготных условиях и даже безвозмездно из общественных фондов потребления, возможных лишь при социализме.

Однако было бы наивно думать, что в семье Шашковых нет проблем. Есть! Какие они и как решаются? Взять хотя бы квартирные дела. Четырех близнецов еще и на свете не существовало, были лишь предположения, но вопрос, где им жить, уже дебатировался. И по линии отца и по линии матери. Евгения Николаевна — экономист треста «Мосстрой-28». Александр Николаевич — бригадир автослесарей на станции техобслуживания «Жигулей», что на Варшавском шоссе. Кстати, тут началась его рабочая биография после десятилетки. Служба в армии не разлучила с техцентром. Стал бригадиром. Приняли кандидатом в члены партии, избрали депутатом в райсовет.

Организации, в которых работают супруги, проявили инициативу как раз к тому времени, когда из Калуги в Москву прибыл кортеж из трех легковых автомобилей, не менее торжественный, чем свадебный, только с той разницей, что розовые ленты украшали не машины, а конверты с бесценными голубоглазыми сокровищами. В замыкающей, роддомовской, машине ехала медсестра. Трест предложил семье четырехкомнатную квартиру в Воронове, новом микрорайоне. Но от него далеко до работы. А это ведь немаловажный фактор. К тому же Шашковым по составу семьи — семь человек — нужна не менее чем пятикомнатная квартира. Свободной во всем Советском районе не оказалось. Проблему решил Моссовет. От его имени под Октябрьские праздники председатель Советского райисполкома В. В. Мартынов вручил семье Шашковых букет цветов и ордер на пятикомнатную квартиру, да только не в своем, а в соседнем, Севастопольском районе. Площадь ее — 126 квадратных метров. Будет где разгуляться девочкам! Из дома видна станция метро «Чертановская», новая, на новой линии, недавно вступившей в строй. И это тоже своего рода подарок Моссовета четырем близнецам, которые будут жить здесь.

А какой заботой окружили малышей врачи! (Главздрав — также управление Моссовета.) Много раз бывала у Шашковых Валерия Николаевна Лялина, заведующая отделением поликлиники № 98. Это она направляла сюда врачей-специалистов, помогла найти маму-донора и закрепить няню от поликлиники специально для этой семьи. Что же касается педиатра А. Д. Ли и медсестры Марины, то они здесь свои люди.

Шашковым как многодетной семье вручено специальное удостоверение райисполкома — универсам по их заказу обязан доставлять им продукты на дом, им в первую очередь будут продаваться необходимые промтовары, вне очереди подключат телефон...

— Что же, проблем нет?—спрашиваю у двадцативосьмилетнего отца многодетного семейства.

Александр складывает распашонку, выключает утюг.

— Во-первых, строители, к сожалению, опаздывают, а нам негде кроватки ставить. Во-вторых, надо вселяться с мебелью, а ее, какую хочется, сразу и не найдешь. Но это, я понимаю, все — вопрос времени. А вот «в-третьих» посложнее: предстоит решать проблему с транспортом. Она вот так,— энергичный жест руки,— вот так остра. Мы в «Жигули» моего отца уже не помещаемся. Слыхал я, одна семья из Зеленограда обзавелась «рафиком». Без такой машины нам никуда — ни на прогулку, ни к бабушке с дедушкой, ни в деревню к своим.

Вот какие житейские проблемы волнуют семью четверых близнецов. Думается, что при содействии Моссовета и ведомств проблемы будут разрешены. На этом можно было бы поставить точку. Но мы еще не сказали о том, как много бескорыстных друзей и доброжелателей оказалось у Шашковых. Товарищи Александра по работе. Те, которые отдали ему заработок целого дня. Женщины из треста Евгении. Они долго искали предприятие, которое могло бы выполнить неожиданный заказ — сделать коляску на четверых. Никто еще не видел такой кареты. Добровольным исполнителем оказался завод спортизделий из металла. Директор, главный инженер — все ломали голову над нестандартным заказом. Советовались с Александром, прикидывали, изобретали. И надо было видеть, с какой любовью, с каким тщанием он выполнялся! Мастер вкладывал всю свою душу. И получилась не коляска — загляденье: алая, на блестящих никелированных рессорах — колесница для принцесс! Она на полном ходу и неизменно собирает восторженный ребячий эскорт.

А история с сервизом? В воскресное предвечерье в квартиру к ним позвонила незнакомая женщина. «Узнала о вашем счастье из газеты. Вы уж извините за беспокойство. Примите от меня и мужа небольшой подарок. Мы люди пожилые, бездетные». ...Раскрыли коробку, а в ней чудесный сервиз на двенадцать персон. Или звонки по телефону. От воинов Московского гарнизона. Из рабочей столовой. От полковника такого-то... «Сообщите свой адрес. Мы тут хотим перевести кое-какую сумму на ваше имя или на имя близнецов из собственных сбережений...» Письма... Одно от ветерана Великой Отечественной войны и ветерана труда Н. И. Смыслова, полное самых добрых пожеланий. «Растите здоровыми. Приду в гости через год»... Мы тоже придем через какое-то время. Непременно!

В ЭТИ ПРЕДНОВОГОДНИЕ ДНИ

Мы зажигаем свечи!

Открылась дверь кабинета образцов, и сразу бросился в глаза темный стол с разноцветными, разнофигурными, разновеликими свечами, тесно составленными то ли холмиком, то ли островком. Вот и для такого, казалось бы, простого дела, как размещение в пространстве предметов, будь то книги на полке, дикие камни в городском сквере или свечи на праздничном столе, нужен, еще и как нужен, талант.

Этот пестрый парафиновый «островок» ничем не напоминал тех необходимых будничных свечей, при которых писали Карамзин и Пушкин, сидели за роялем Бетховен и Чайковский... Ничем — кроме живого золотого огонька. Конечно же, он крохотной долькой вливался в их творчество и дошел вместе с ним до нас — такой некатегоричный, незащищенный и тонкий...

Нет-нет, я далека от мысли, что поэтам и композиторам надо творить только при свечах, и тогда плохие рифмы станут хорошими, а музыка перестанет бить нас по головам. Не жить уж нам повседневно, не работать при свечах, они ушли от нас и вернулись в потоке «ретро» только на наши праздники. И хорошо, что вернулись!

Словом, вызвавшие такие лирические мысли и так красиво поставленные в кабинете образцов эстонского производственного объединения «Флора» художниками Альфредом Раадиком и Пеэтером Лукатсом свечи в тот день как бы хором воскликнули: «Там, где мы,— праздник!» Вошли две молодые женщины, помогли нам одновременно зажечь фитильки, и будто вдруг расцвели и трепетно потянулись вверх острые оранжевые лепестки нездешнего цветка. В самом деле, праздник — добрый и тихий!..

А что за праздником? А за ним — история: в годы Советской власти «Флора», образовавшаяся из сорока артелей и мастерских, что делали сапожную и колесную мазь, стала большим производством предметов бытовой химии. Еще за праздником — экономика: у бытовой-то химии только во «Флоре» двести наименований, и свечи в общем объеме флоровской продукции — мизерная часть. Но что значит мизерная?

— Около двух процентов. Это очень мало,— отвечает нам заведующий одним из отделов «Флоры» Мати Уэсон.— В новом году мы выпустим всего 390 тысяч вот таких фигурных свечей, а спрос на них намного больше, и не только внутри страны, но и за границей. Дело в том, что в мире существуют только четыре фирмы, изготовляющие фигурные свечные формы,— в ФРГ, Японии, Америке и у нас. Изготовление этих форм — дело сложное, дорогое, ручная работа. Зато хозяйственных свечей мы делаем три миллиона штук, их покупают 1200 торговых баз нашей страны — от Мурманска до Ташкента, от Ленинграда до Сахалина. Мы работаем только на отечественном сырье, оно идет к нам тоже из всех республик. Самый главный поставщик и заказчик — Российская Федерация. Еще мы производим три с половиной миллиона ароматизированных свечей, они так и называются — «Аром». Елочных? Их тоже немало — 400 тысяч коробок по 24—28 свечей в каждой, стало быть, около десяти миллионов штук в среднем. Есть еще «Юбилейные»: кому сколько исполнится лет, столько маленьких свечек и украсят праздничный пирог юбиляра. Но вы приходите к нам не только по поводу праздничных проблем, мы покажем вам немало интересного и полезного — все, чем мы помогаем людям в быту.

— Придем. А пока — веселых вам праздников и много миллионов свечей!

...Посчитать бы, в скольких домах раздаются в эти дни звонки в дверь и сколько веселых голосов откликается:

— Здравствуйте! Мы зажигаем свечи.

Н. ХРАБРОВА,
собкор «Огонька»

Фото В. Сальмре

страницы минувшего

Рыцарь книги

Иван Федоров (400 лет со дня смерти которого исполнилось в декабре этого года) стоял у истоков московского книгопечатания, выпустил первые украинские печатные книги, составил и напечатал первый восточнославянский учебник.

Евгений ОСЕТРОВ

Если бы мы могли перенестись — пусть мысленно — на четыре столетия назад, в Москву времен Ивана Федорова, то, преодолевая многовековую давность, мы все же узнали бы свой родной город, созданный предками, как гласит сказание, на семи холмах. На возвышенности, окаймленной Москвой-рекой и чистейшей как слеза Неглинкой, а также рвом, заполненным водой, выделялся живописнейший треугольник Кремля, от которого во все стороны Великого Посада разбегались улицы-лучи, соответствуя направлению главнейших теперешних магистралей, идущих от центра столицы. К эпохе Ивана Федорова в основном сложилась величественная кремлевская панорама, соответствующая городу, становившемуся первейшим, выделившемуся среди других княжеств. Красная площадь — ее чаще тогда именовали Пожаром — была украшена диковинным храмом Василия Блаженного, напоминая старожилам о Казанском походе. Пытливому взору можно и теперь отыскать еще и другие здания, помнящие о федоровской Москве, городе, который и в те далекие времена любил, как и сегодня, книги, славился ими, переписывал и приобретал их, спорил о написанном. В Кремле складывалась библиотека, состоявшая из древнеславянских, греческих и латинских манускриптов, позднее она войдет в историю под названием книгохранилища Ивана Грозного. Книге и посвятил свою бурную, полную исканий, дел и приключений, загадочную и прекрасную жизнь Иван Федоров, который, как, пожалуй, никто, заслуживает чести быть названным рыцарем Книги. Бронзовое изваяние книжного изыскателя застыло теперь неподалеку от останков Китайгородской стены, вблизи от Избы печатного дела, ставшей позднее московским Печатным двором.

Что известно нам о создателе восточнославянской книжной галактики, прославленном сыне Москвы Иване Федорове?

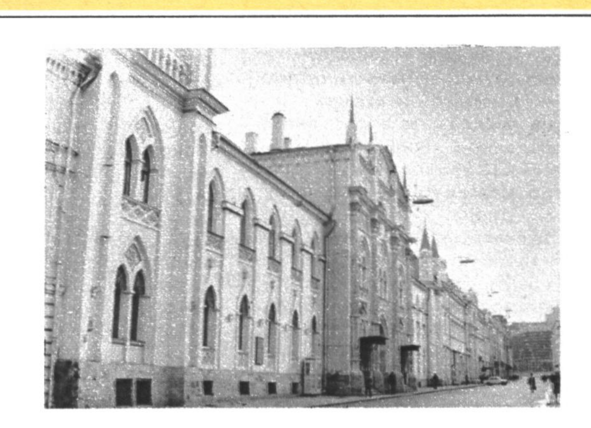
Фактические данные не особенно богаты, мы даже не знаем, где и когда он родился, хотя высказывается предположение, что книжник был родом из новгородцев. Но сохранились созданные им книги, помнящие и сегодня тепло его энергичных рук. Культура средних веков была в основном анонимной. Считалось наиболее важным сделать, сотворить, а не запечатлеть свое имя, как в новейшее время. О себе Иван Федоров писал мимоходом, он был занят постоянно мыслью о просвещении, о том, чтобы печатное слово из мечты стало явью.

Шедевры Ивана Федорова, вышедшие из типографии, столь содержательны и обладают единственно неповторимым обликом, которым можно любоваться, пристально вглядываясь, как в лицо умного и прекрасного человека. Кроме того, давно известно, «на книге каждое пятно немой свидетель о заслуге». Впитав в себя аромат времен, федоровские книги помнят многое. Их истово читали подвижники, воины, иерархи, миряне, князья, купцы, ремесленники, странники...

Стоит напрячь зрение, как мы увидим Ивана Федорова бодро шагающим по мартовскому снегу, что лег на высоком берегу Неглинной. В руках, как дитя, он несет бережно завернутую в полотно книгу — это его первенец,— глядеть не наглядеться. «Апостол» начали изготовлять в Печатной избе 19 апреля 1563 года. К первому марта следующего года книга была готова. Событию придали — скажу без преувеличений — государственный характер. Об этом наглядно свидетельствует послесловие «Апостола», принадлежащее перу Первопечатника, являющееся законченным образцом стиля официозного. В нем — в послесловии — настойчиво подчеркивается мысль о том, что-де не по своему почину Иван Федоров да Петр Мстиславец взялись за новое дело, нет, на все было государственное предписание, что на создание типографии деньги отпустил Кремль. Если бы послесловие было написано гусиным пером, то его можно было бы принять за грамоту, посылаемую с

Памятник Первопечатнику в Москве.

Здесь находился московский Печатный двор.

государевым гонцом в ближайшие и дальние края, скажем, в Пермские страны, богатые пушниной, рудой и драгоценными камнями. Манила к себе Сибирь. Ведь только-только Волга на всем своем протяжении, после присоединения Казани, а затем и Астрахани, стала свободной для судоходства, открылся великий водный путь от Твери до Каспия. Новые земли, как в хлебе насущном, нуждались в книгах, вся надежда была на Москву.

В белокаменной вопрос о книгах обсуждался с невероятной горячностью, спорили, как спорят о воинских делах. В не столь давние времена в Кремль прибыл (дело было при Василии III) Михаил Триволис — для переводов и исправления книг, живший до этого на далеком Афоне, что на Халкидонском полуострове в Эгейском море. Что заставило маститого ученого мужа сменить теплое Средиземноморье на Москву? Тогдашний мир видел в Москве поднимающуюся и растущую силу. О многом мечтал Михаил Триволис, отправляясь в далекое путешествие. Но вчерашний друг итальянских гуманистов, сотрудничавший в Венеции с Альдом Мануцием, всесветно знаменитым книгоиздателем, не предвидел главного. Именно на севере, там, где, по античным представлениям, жили гипербореи, любимые Аполлоном, ему — Триволису — предстояло стать писателем, известным в славянском мире под именем Максима Грека, которого будут читать и перечитывать веками. Нелегко сложилась в Москве судьба Максима Грека, но он, общавшийся с лучшими умами своего времени, не мог заронить в Кремле искру желания, а возможно, и стремления активно действовать, то есть перейти от книги рукописной к книге печатной. Решиться на это было совсем нелегко. Веками Москва, как ранее Киев, Владимир, Тверь, Рязань, накапливала рукописные сокровища. Книгу рядили, как невесту к венцу. Ее украшали пышными переплетами, золотой или серебряной сканью, драгоценными камнями. Нередко она была дороже жемчугов, добываемых в изобилии на чистейших реках русского Севера. Рукописная книга, как правило, была произведением высокого искусства. В ней все — от бумаги, расположения текста, заставок, виньеток, рисунков,— все имело эстетическое значение. Вот эту-то важнейшую особенность, связанную с творческой уникальностью рукописной книги, Иван Федоров и передал своим печатным изданиям. По внешнему виду они напоминают рукописные. Первопечатник не порвал со старой традицией, а развил их в новом виде книги.

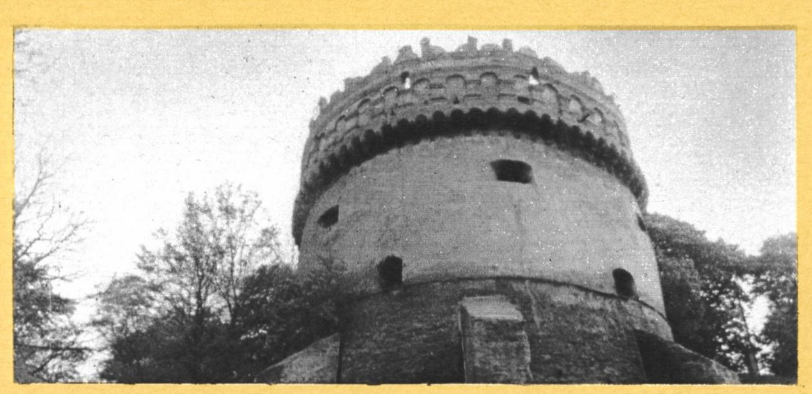
Федоровская печатная книга (тираж «Апостола» составлял свыше тысячи экземпляров!) означала наступление новой эпохи. Ее по культурному и историческому значению можно сопоставить с появлением в Киеве и Новгороде азбуки, пришедшей некогда с Балкан. Был отпечатан «Апостол». На практике это означало, что книга выходила за пределы палат, теремов и церковных сводов к широкому читателю. Одновременно менялся и географический ареал распространения книги. Вспомним, что Афанасий Никитин, находясь в тридевятом царстве, в далекой Индии, куда до него еще не дошел ни один из его современников, больше всего страдал на чужбине от отсутствия книг. Мало того, что ему не с кем было слово молвить на родном языке, ему горше всего являлось то, что нет книги, с которой он мог бы один на один пообщаться. С горечью книжник-путешественник поднимал глаза к небу, пытаясь отыскать на небе звезды, которые он видел у себя над Волгой, над Тверью, над могущественной Москвою (с последней у него были связаны все надежды и упования). Вот что для людей средневековья означало книжное почитание, или, как тогда говорили, **книжный свет.**

Строго говоря, федоровский «Апостол» не был самой первой книгой, напечатанной в Москве. Теперь выяснили, что существовала так называемая Анонимная типография, выпустившая несколько изданий, на которых даже отсутствуют выходные данные. Это была проба сил. Москва осваивала типографское дело. Я согласен с предположением о том, что, наверное, участие в выпуске тех анонимных изданий принимал и Иван Федоров. Иначе откуда у него такое уверенное мастерство, такой — единственный и неповторимый — почерк? Ведь даже столь искушенный знаток старины, каким был Николай Михайлович Карамзин, знавший историю, как никто, по первоисточникам, отмечал, что федоровский «Апостол» поразил его красотою букв.

Есть споры и многочисленные предположения: почему Иван Федоров покинул Москву вместе с сыном и помощником и переселился в далекие западные земли? О многом можно вести разговоры-размышления, но ясно одно, что в пору, когда начиналось время опричнины, когда наступил девятый вал жесточайшей борьбы между самовольствующим боярством и Иваном Грозным, Москва оказалась не лучшим местом для книжной и просветительской деятельности. А без любимого дела Иван Федоров не мог жить. Покидая белокаменную, он оставил в ней и своих учеников и многое из бесценного типографского имущества, послужившего позднее для продолжения печатной работы в Александровой слободе, куда временно переселился двор Ивана Грозного. Потом заставки и буквицы Ивана Федорова вновь использовались в Москве, его ученики и продолжатели неутомимо и самоотверженно трудились, подражая основоположнику.

В западных землях, в Заблудове, Львове, Остроге, где продолжил издание книг Первопечатник, жило много украинцев, белорусов и русских. Нужда в книгах здесь была особенно велика. Более того, печатное слово, принесенное в эти места гениальным Франциском Скориною, происходившим родом из Полоцка, помогало восточным славянам отстоять свою духовную независимость, выдержать борьбу за национальную самостоятельность. Это, разумеется, хорошо понимал московский пришелец, которого вскоре и стали называть Иваном Друкарем (т. е. типографщиком) Москвитиным. Гость из далекой Московии постоянно нуждался в средствах. Он обращался за помощью и к бедным и к знатным тамошним людям, будучи убежденным, что надлежит ему духовные семена по свету рассеивать. Многое удалось сделать Москвитину, став основателем книгопечатания в украинских землях и продолжателем дела Франциска Скорины для его белорусских сородичей.

Самое ценное, что удалось совершить Друкарю, находясь в западных землях,— это выпуск так называемой Острожской библии, которая и ныне почитается **самой красивой книгой древнего восточнославянского мира.** Лучшие книгохранилища планеты гордятся тем, что у них имеется эта федоровская книга. Напомню, что в Острожской библии свыше 620 листов, а количество печатных знаков далеко превышает три миллиона — больше, чем во всех предшествовавших федоровских изданиях. Но дело не только в колоссальном объеме проделанной работы. Ведь все делалось вручную и требовало невероятной усидчивости и прилежания. В Острожской библии шесть шрифтов, гравированные рамки, заставки, узорные буквицы, имеющие много вариантов. Книга была отпечатана в два цвета. Разнообразна ее бумага, изготовленная чуть ли не на двадцати бумажных мельницах. Так Иван Друкарь на практике доказал, что книга, вышедшая из типографии, может и должна быть произведением искусства, не уступающим по совершенству лицевым (то есть иллюстрированным) рукописям, архитектуре, живописи, ювелирным украшениям. Современники высоко оценили то, что сделал в Остроге Иван Федоров.

Замок в г. Острог, где работал Иван Федоров (кадр из фильма «Друкарь Иван Москвитин», Центрнаучфильм).

Острожская библия попала и в Москву,— книга, как предполагается, была отпечатана огромным по тем временам тиражом, доходящим, по всей вероятности, до полутора тысяч экземпляров. В печати то и дело появляются в наши дни сообщения о том, что то в одном, то в другом месте встречаются экземпляры этой великой книги. Отмечено, что десять экземпляров Острожской библии находятся в английских книгохранилищах, в том числе в Британском музее, в Оксфорде и Кембридже. Иван Грозный одно время мечтал о том, чтобы посвататься к английской королеве, и экземпляр великолепной книги послал с английским гостем в Лондон.

Есть необходимость сказать и о том, что в числе других важнейших дел Ивана Москвитина был выпуск букваря, снабженного в конце обращением к «возлюбленному русскому народу». Просветитель сам подобрал тексты, позаботился о том, чтобы в книгу вошли не только буквы, но и цифры. Он настойчиво советовал своим читателям учить детей грамоте. Этот подвиг Друкаря был забыт. Книга, используемая в качестве учебника, быстро изнашивается. Исчез почти весь тираж букваря, над которым с таким упорством, преодолевая нужду и невзгоды, трудился Иван Федоров.

Находка букваря показала всем, каким упорным и думающим человеком был пришелец из Москвы, как он неутомимо изобретал новые и новые подходы, желая сделать книжный свет светом для всех.

Значительным событием стал выпуск и совсем скромного издания, известного как «Хронология» белорусского поэта Андрея Рымши. Взяв в руки листочек, подумаешь, что в нем нет ничего особенного. Напечатаны стихи-вирши, посвященные месяцам. Даже в те времена, наверное, многие понимали, что особыми достоинствами эти стихи не обладали. Но дело все в том, что Иван Федоров выпустил первый печатный календарь, пращура всех наших отечественных численников, вышедших из типографии. Любопытно, что текст календаря был составлен на трех языках. Друкарь помнил о том, что окружающее его население многоязычно.

* *
*

Итак, 1983 год — год Первопечатника, Ивана Федорова, Друкаря Москвитина, человека, чей образ с годами приобретает все более и более величественные очертания. Москва привыкла к памятнику Первопечатнику, стоящему возле старой стены, напоминающей нам о том, что было в пору средних веков. Рядом — примета наших дней, любимый всеми нами магазин «Книжная находка». Мы все полюбили этот памятник, и я замечаю, что год от года люди все чаще и чаще приносят к нему цветы. Книжники наших дней идут по следам Ивана Федорова. Открываются все новые и новые подробности, говорящие о значительности того, что проделал Иван Федоров. Широко стал известен в наши дни факт безукоризненности изданий Первопечатника. До сих пор, как это ни удивительно, еще не удавалось обнаружить опечатки в его книгах. Я убежден в том, что точности, самоотверженности, беззаветной преданности избранному делу каждый из нас должен учиться у неутомимого Ивана, умевшего делать все на свете: создавать книги, переводить, редактировать, скакать на коне, везти за спиной буквы-литеры и доски-клише, вести научные споры и проводить бессонные ночи за книгами.

Мы, великая книжная держава, чтим память своего верного сына.

ЦИРК, ЦИРК, ЦИРК

Евг. ГОРТИНСКИЙ

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

Юрий Владимирович Никулин говорит мне:

— Прежде всего цирк должен удивлять. Моя бабушка, побывавшая в нижегородском ярмарочном балагане, вернулась оттуда потрясенная на всю жизнь: «Что творится! Человек выбежал и перевернулся в воздухе»... А уже на моих глазах Александр Саженев впервые сделал сальто на ходулях... Я помню, когда он вышел на этих ходулях в манеж и встал на подкидную доску, цирк замер: что же будет дальше! В гробовой тишине прозвучало какое-то напряженное: «Ап!..» И, когда Саша взлетел и, перевернувшись, опустился на манеж, зал ахнул. А потом взорвался такими криками и такими аплодисментами, каких я никогда не слышал. Саженев стал героем цирка. Его прыжок был сенсацией и для нас, артистов... Теперь же прыгают и на одной ходуле и делают на ходулях двойное сальто, но публика уже не принимает эти трюки так, как прыжок Саженева. Когда что-то видишь во второй раз, это уже не так интересно: в цирке всегда нужно откровение. Надо, чтобы каждый зритель уходил из цирка, став немного моей бабушкой...

Должно быть, эта же мысль, что цирк всегда должен удивлять, владеет и нынче главным режиссером и директором московского цирка на Цветном бульваре народным артистом СССР Ю. В. Никулиным. Задумывая спектакль «Цирк-83», он решил удивлять зрителей не пышностью пролога, не волнами балета, а иначе. Удивлять тем, что обыкновенные люди делают необыкновенные вещи.

...Звучат фанфары, отбивают дробь грациозные барабанщицы. На белом коне въезжает на арену инспектор манежа Завен Мартиросян. Представление начинается.

В ошеломляющем темпе крутит хулахуп Марина Кордобан. Она укрощает свои стремительные обручи, лежа на антиподной подушке, балансируя на шаре, выложенном сотнями зеркальных осколков. Лучи прожекторов, отражаясь в них, летят по залу световой вьюгой, а вызванная на бурные аплодисменты Кордобан принимает на себя обручи, летящие на нее с трех сторон, так же легко, как жонглеры ловят тарелочки. В заключение она, к восторгу публики, надевает на себя сразу целую охапку обручей.

Под руководством Виктора Голышева работают гимнасты на брусьях с тремя жердями: пять мужчин и одна женщина. Третья жердь дала простор новым комбинациям, расширила диапазон трюков так, что студия «Центрнаучфильм» показала эти брусья в своей кинокартине о гимнастике будущего.

Артисты появляются на манеже в канотье, разномастных пиджаках, галстуках-бабочках. Их веселые падения, столкновения, вся непринужденная современность цирка окрашена веселой элегантностью «ретро». Но при внешнем комизме нынешние трюки артистов таковы, что их исполняют, а иногда даже и не могут исполнить гимнасты на своих труднейших, удивляющих нас соревнованиях.

Оригинальный эксцентрик Александр Фриш жонглирует деревянными кирпичами, а под конец ухитряется сложить из них длинную гирлянду, которая словно чудом не рассыпается! Своим темпераментом и задором артист покоряет публику настолько, что вопреки всем сложившимся цирковым законам программу закрывает именно этот сольный его номер.

У многих участников спектакля нет громких титулов, знакомых всем фамилий. Лауреаты первого Всесоюзного конкурса артистов цирка, они почти все выступают впервые на столичном манеже. И хорошо, что встреча с москвичами стала по-настоящему праздничной. Наверное, в немалой степени этому помогает обаяние молодости: зритель словно и сам чувствует себя моложе...

Но цирк лишь тогда становится цирком настоящим, когда в его программе сочетаются самые разные краски палитры, самые разные возможности актеров.

И как не упомянуть о номере, который называется «Маленький флейтист». На манеже появляется застенчивый музыкант. Он впервые должен выступить перед публикой и волнуется, но к тому же — вот беда!— возле рояля нет аккомпаниатора. И тут оказывается, что маленький музыкант вовсе не робкого десятка! Он станет и флейтистом и пианистом сразу!.. Начинается невероятный «поединок» артиста с роялем, который злорадно мешает, то раскрывая, то закрывая клавиатуру... Но дебютант ухитряется играть, лежа на спине, делая «мостик» на полу, стоя на коленях. Звучит то флейта, то рояль. И, наконец, мажорная мелодия окончательно утверждает победу человека, столь явно преданного Музыке...

Создатель знаменитого клоунского дуэта «Бим — Бом» И. Радунский писал, что музыкальные эксцентрики должны профессионально владеть своими инструментами. Владеть так, чтобы даже настоящие знатоки музыки были довольны. Это требование актуально по сей день. Елена Гордеева, исполнительница роли Маленького флейтиста, окончила консерваторию. Зрители горячо аплодируют ей еще и за то, что она музыкант подлинно профессиональный.

...В цирковом конвейере нашей страны насчитывается двести с лишним клоунов. Кажется, проще простого взять кого-то из них на московский манеж. Но на Всесоюзном конкурсе из трех клоунских премий была присуждена лишь одна: ее получили Е. Можаева и А. Латышев, нашедшие свое «лицо», непохожее на других. Именно непохожестью, артистической всесторонностью они — Антон и Антошка — привлекают зрительские симпатии в цирке на Цветном бульваре...

И вот представление окончено. По манежу прошли, прощаясь с публикой, участники спектакля. Но зрители не спешат к вешалке: из динамиков льется задушевная песня «Спасибо, цирк», исполняемая Юрием Никулиным.

Он говорит:

— Иногда слышу упреки: зачем, мол, в финале грустная песня вместо мажора? А я не вижу здесь ничего плохого. В цирке не только смех. Публика должна иногда и призадуматься. И даже помечтать.

Вместе с Юрием Никулиным спектакль ставили Виктор Плинер и Юрий Бирюков. В равной мере делят успех балетмейстер-постановщик Петр Гродницкий, художник Марина Зайцева, главный дирижер Олег Любивец и концертмейстер Алексей Сосновский.

Публика привыкла к цирку на Цветном бульваре: без него мы уже не представляем Москвы, как не представляем ее без переулков Арбата, улочек Замоскворечья. Но возраст любимого нашего цирка — сто с лишним лет! Его ждет омоложение. Здесь станет шире фойе, где сейчас людям тесно. Вырастет многоэтажная пристройка с удобными артистическими гардеробными, с репетиционным манежем. Однако старый цирковой зал с его лепкой и колоннами останется прежним, как живая история, как память о временах, когда здесь выступали Дуровы и Труцци...

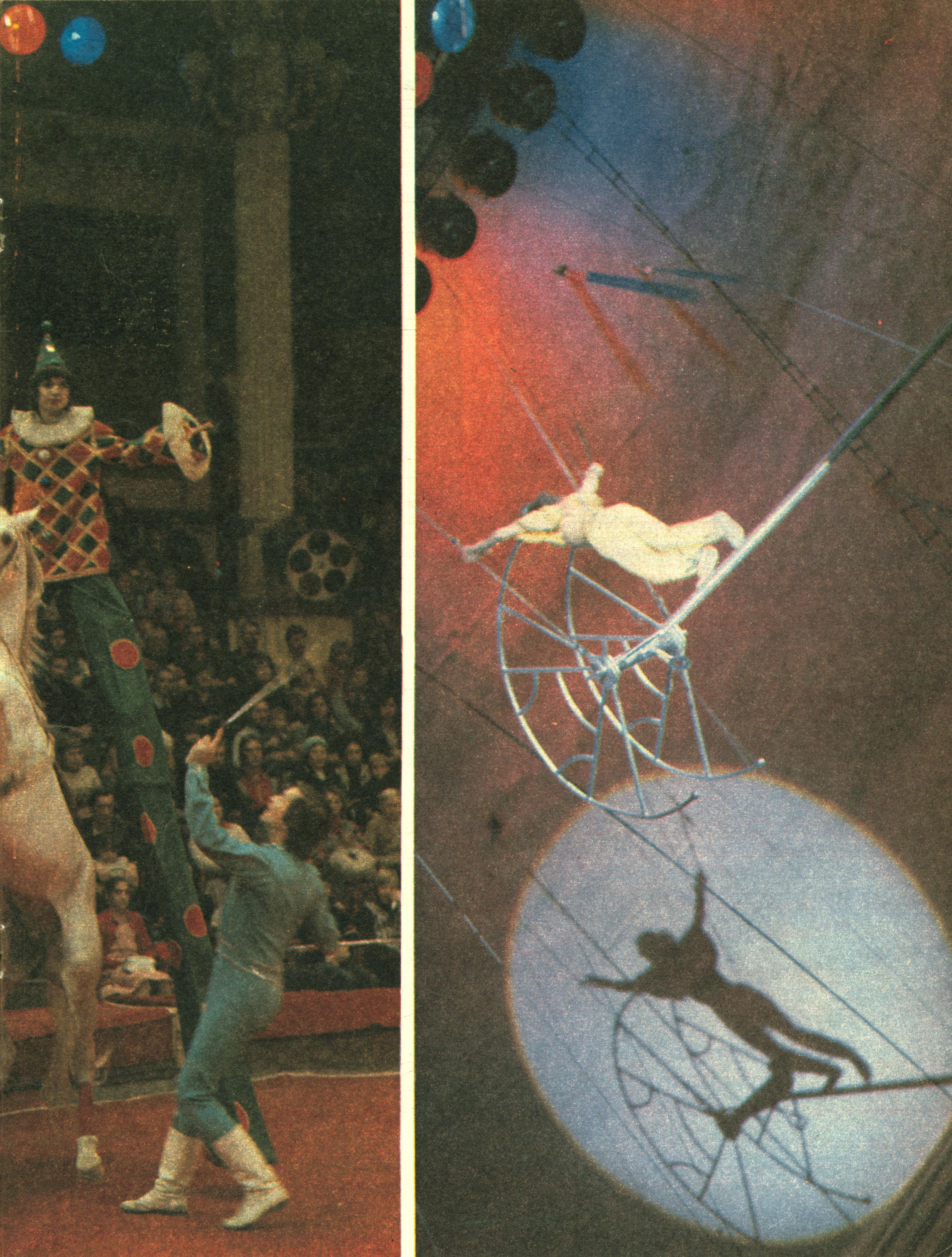
И, конечно, предстоящая реконструкция не затронет добрых традиций цирка, старого и вечно молодого.

Гимнасты-эксцентрики на брусьях. Руководитель Виктор Голышев * Главный режиссер цирка, народный артист СССР Ю. В. Никулин * «Ансамбль собачьей песни» Сергея Богуславаева.

На развороте вкладки: Марина Кордобан * Конный дивертисмент Зинаиды и Юрия Бирюковых * Фрагмент из номера «Эквилибристы на мачте». Руководитель Роман Якубов.

ПО СИГНАЛУ ЧИТАТЕЛЯ

Хочу чаю!

Был в командировке в Ленинграде. Безуспешно пытался в кафе или ресторане выпить стакан хорошего, ароматного чая, к которому привык дома. Увы, так чайная проблема «решается» не только в Ленинграде. Неужели ее трудно решить!

В. Климов, инженер

Краснодар.

О. ПЕТРИЧЕНКО

Говорят, что чай — полезный, хорошо утоляющий жажду напиток. В нем, если верить рекламе, содержатся вещества, расширяющие и укрепляющие сосуды сердца и мозга, стимулирующие умственную и физическую работоспособность, благотворно действующие на общий обмен веществ в организме.

Сказки все это!

Такой напиток существует лишь в раскаленном субтропическим солнцем воображении ученых-чаеводов. Настоящий чай никакими витаминами не замусорен. Вот он, бледненький, плещется в доставшейся мне щербатой чашке, покусанной нетерпеливыми зубами застоявшихся в очереди к буфетной стойке клиентов. Над ней аллегорическая живопись: подернутые знойным маревом горы, на фоне которых окруженная жизнерадостными старцами в папахах орденоносная дочь высокогорной республики протягивает очереди взращенную на тамошних плантациях пачку чая.

Увы, наш чай, судя по вкусу, вырос на березе или на осине — приторная сладость содержимого мешает точно определить породу первоосновы. А вот в качестве заварки никаких положительных эмоций не вызывает. Думается, что славные старцы — долгожители Абхазии или Азербайджана — в большинстве своем даже не подозревают, что в далеких северных (и не очень) городах существует сорт чая, метко прозванный в народе «бочковым» — от слова «бочка», надо полагать, в которой замачивают используемый для заварки веник.

Выведен он неизвестным селекционером из системы общепита, скромным тружеником буфета, не пожелавшим попасть в историю. Я искал его в Москве, Свердловске, Мурманске и многих других городах Союза, куда заносили меня командировочные пути-дороги. Искал, чтобы спросить: за что он так возненавидел настоящий чай — восхитительный, ароматный, целебный, о котором уже в одном из древнейших письменных памятников «Описание лекарственных растений Шэньнуна» сказано: «Вкус чая — горький, питье его помогает умственной деятельности, отгоняет лень, облегчает тело, просветляет взор».

Ни одно из этих качеств (за исключением первоначальной горечи) не свойственно тому эрзацу, коим под маркой чая потчуют своих клиентов работники некоторых столовых, кафе и даже ресторанов. Именно данный эрзац имел в виду автор, столь категорично начиная свою заметку, продиктованную искренней любовью к хорошему чаю.

Хороший чай я обычно пью дома. В тех, разумеется, случаях, когда мне удается купить его в магазине. Когда не удается, иду в гости к знакомым, которые оказались удачливее. Но не иду ни в одну из точек, подчиненных Главному управлению общественного питания как родного, так и любого иного города.

Потому что во время странствий подметил удивительную закономерность: если щи, каши, лангеты, компоты и прочие кулинарные изыски мастеров системы общепита в целом соответствуют рецептам, приведенным в «Книге о вкусной и здоровой пище» (разумеется, с поправкой на индивидуальное мастерство повара и его настроение), то над чаем тяготеет какой-то рок. Его или нет в меню, или он есть, но такой, что лучше бы его и не было.

Возможно, кто-нибудь подумает, что автор — великий привереда. И потребляет этот напиток не иначе как следуя строгим канонам, скажем, японского чайного ритуала, требующего специальных сортов и соответствующей манеры поведения для каждого из установленных поводов к чаепитию: ночного чая, с восходом солнца, вечернего чая, утреннего чая, специального чая и чая в обществе особо почетных персон.

Да, мне случалось принимать чашечку-другую и на восходе, и на закате, и в обществе самых разных персон. Но, как правило, без церемоний и того незатейливого сорта, что был в ближайшем магазине. Так что под «хорошим чаем» подразумевается не что-нибудь экстравагантное, а обыкновенная чашечка терпкого, нежного напитка.

Трудно ли доставить эту радость рядовому посетителю кафе, столовой, а тем более ресторана?

«Невозможно!» — убеждали меня в «Лакомке», «Лотосе», в иных аналогичных заведениях Ленинграда и других городов. Убеждали не словом, а делом. Не буду настаивать на том, что предлагаемый там продукт в основе своей действительно имел отношение к березе и осине. Пожалуй, я зря обидел прекрасные деревья, намекнув на их невольную причастность к сугубо человеческому головотяпству. Судя по чаинкам, неизменно плававшим в казенных стаканах, бокалах, чашках, чай в качестве одного из элементов заварки там все же присутствовал. Хотя ума не приложу, каким образом удалось исказить его жизнерадостную суть.

— Ну, особого ума на это не требуется,— доверительно объяснил мне в одном кафе кухонных дел специалист.— Для чая есть золотое правило трех «не»: не кипятите для него воду слишком долго; не пользуйтесь металлической чайной посудой; не перегревайте заварку. А у нас? Титан весь день булькает. Заварку калим в металлическом чайнике и держим на плите, чтобы не слишком остывала. А чтобы вы в очереди не нервничали, разливаем ее сразу в 20—40 чашек, ставим их на подносы, и до вас она, естественно, добирается чуть тепленькой. Технология, конечно, злодейская, но чего же вы еще за свой пятак хотите? Изменить? Нет, изменить нельзя — у нас сотни посетителей, для каждого в отдельности кипятить, заваривать не будешь.

...Я же хотел чаю. И ссылка на технологию меня не убедила. Если можно по заказу изготовить яичницу, отчего нельзя подать мне индивидуально заваренный чайничек? Примерно так, как это делается в «Русских самоварах», что на Садовой улице Ленинграда. Но только примерно, потому что и это заведение, несмотря на обязывающее название, отнюдь не чайное. Скорее, хорошая пирожковая, где вам и булочки предложат и блины, но того, чем, собственно, самовар славен, не получите. Подадут, правда, по заказу и чайничек с заваркой. Возьмут в зависимости от емкости 18, 25, 50 копеек. Однако, сколько ни пробуй поданное, не скажешь о нем, как когда-то впервые отведавшие диковинное зелье московитяне: «Питие доброе и когда привыкнешь — гораздо укусно». Совсем не «укусно».

— А чего же вы хотите,— услышал я знакомый уже припев от заведующей Е. М. Соколовой,— если нас снабжают только «Грузинским» второго сорта?

Беру объемистый телефонный справочник города. Увы, ни одной чайной, чайханы и т. п.— букву «ч» заполнили чебуречные. Прошелся по всему алфавиту. На «р» удача — кафе «Русский чай».

— «Русский чай» на ремонте,— ответили мне по телефону.— А после ремонта меняем профиль — торговать чаем нерентабельно.

Вот тебе и удача! Любопытства ради позвонил в столицу. Чайный выбор тут побогаче. И все ж не густо.

— Не густо, потому что невыгодно,— разъяснил мне все тот же сведущий в кухонном техпроцессе гражданин.— Вот если б чай, как стакан кофе с молоком, стоил 22 копейки, на каждом углу отпускали бы.

Уверен, многие согласились бы заплатить за чашечку чая и в два и в три раза дороже, чем сейчас, была бы только гарантия, что в этом случае нас порадуют напитком, вкусовой букет которого и целебные свойства будут полностью соответствовать рекламным заверениям.

Такой гарантии нет. Хотя бы потому, что нет эталона. Не станем говорить о явной недобросовестности, с сожалением отметим, что утрачена сама культура чаепития. Древний, благородный напиток продолжает удивлять ученых, открывающих в нем все новые и новые соединения, полезные нашему организму, но мы в большинстве своем ничего об этих богатствах не ведаем или не умеем их извлекать, считая приготовление чая процессом столь же примитивным, как варка яиц вкрутую. Или, где-то что-то прочитав, мудрим каждый на свой лад: кто-то смешивает сорта, а кто-то добавляет мяту, жасмин, один считает за образец чай черный, как деготь, другой убежден, что главное не крепость заварки, а мягкость воды.

Как же действительно нужно и что реально можно получить из тех цветастых пачек, что стоят на магазинных полках? Какие прелести таит в себе чай, зашифрованный номером 36, и чем хорош зеленый, плиточный? Практический совет на сей счет вы не получите ни в соседней булочной, ни даже в специализированном магазине «Чай — кофе».

Полагаю, весьма уместной была бы в данной ситуации инициатива прежде всего со стороны Управления чайной промышленности Минпищепрома СССР. Ну, например, такая: открыть в порядке эксперимента в нескольких городах страны (не только южных), свои «фирменные» чайные. Пусть не только рекламой — делом докажут азербайджанские, грузинские, краснодарские чаеводы достоинства своих сортов. Позаботятся о соответствующем оформлении чайных, сервировке, а главное — о том, чтобы чай, подаваемый здесь, вкусом и качеством соответствовал восторженным эпитетам, справедливо заслуженным на протяжении минувших столетий. Пусть познакомят нас со всеми тонкостями его приготовления, расскажут о лечебных сочетаниях, добавках, о том, что следует подавать к чаю.

Одним словом, пусть будет сделан хотя бы первый шаг, который уже сам по себе благотворно подействует на самочувствие, общий обмен веществ в организме всех любителей хорошего чая.

В ЭТИ ПРЕДНОВОГОДНИЕ ДНИ

КАК ДЕЛАЮТСЯ ИГРУШКИ

На Московском заводе елочных украшений выпускают более двухсот разных игрушек. Это и наборы «Малютка» — для совсем маленьких елочек, и обычные, и игрушки-гиганты, в том числе и для главной елки страны, что в Кремле.

А как же их делают, эти игрушки? Вот, например, мишура. На завод поступает прозрачная пленка в рулонах. Ее заправляют в окрасочную машину, пленка идет через валики, окрашивается, затем сушится. Ее режут на полоски, насекают, потом она навивается на длинные-длинные спицы, сквозь которые пропускается электричество. Это чтобы мишура держала форму.

И вот уже работницы укладывают ее в наборы «Светлячок», «Зимушка», «Сказка»...

Есть здесь стеклодувы. Шумят газовые горелки. Галина Ващенко (она заняла второе место на конкурсе стеклодувов России) берет стеклянную трубку и разогревает так, чтобы стекло стало «как живое», но не расплавилось, иначе трубка попадет в брак. А работают здесь, можно сказать, без брака. И вот Галина выдувает один шарик, затем нагревает еще кусочек трубки и выдувает второй. И в руках у нее — верхушка для елки.

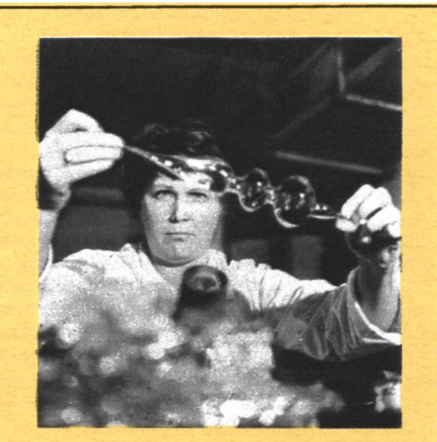
Игрушки нужно еще металлизировать — сделать нарядными. Алюминиевую фольгу надевают на специальные испарительные элементы вакуумной установки, загружают игрушки. Алюминий распыляется, оседает, и игрушки выходят из установки блестящими.

Игрушки покрывают цветным лаком, разрисовывают в множество тонов. Вот Деда Мороза раскрасили пульверизатором. Разрисовывают игрушки и вручную — кисточками.

Скоро завод переезжает в новый, светлый корпус у метро «Семеновская», и тогда праздничные елки станут еще наряднее.

Е. РОМАШКИНА

Фото А. КОЗЬМИНА

Стеклодув Галина Ващенко.

◀ **Антон и Антошка — под этими именами знают зрители артистов Е. Можаеву и А. Латышева * «Украинские забавы» называется номер под руководством Вячеслава Черниевского * На манеже — балет цирка на Цветном бульваре.**

Иван СТАДНЮК

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

МОСКВА, 41-й

Генерал армии Жуков, поняв, что Сталин переключился мыслями на фронтовые дела, решил сказать ему то, о чем намеревался. Но Сталин упредил:

— Однажды мы толковали за обедом, что не надо сердиться на Сталина, когда он ругает товарища Жукова.—Он поднял зажатую в правой руке потухшую трубку, будто призывая к вниманию.— Сталин ругает Жукова, а Жуков ругает командующих фронтами и армиями, и дело идет лучше. Но нельзя ругать Жукова и командующих до такой степени, чтоб деятельность их сковывалась и дело шло хуже...

Жуков внутренне содрогнулся: ведь он сам собирался, может, в иной форме, сказать эти же слова Сталину.

— Так что передайте товарищу Тимошенко, чтоб он излишне не ругал Лукина, Курочкина и Конева. Более того, пусть представит их к высоким правительственным наградам; возможно, это поможет Лукину и Курочкину вышвырнуть немцев из Смоленска...

— Вы правы, товарищ Сталин...— только и нашелся Жуков.— Разрешите докладывать?

— Одну минуту.— Сталин повернулся к Молотову.— Будет полезно, если начальник Генерального штаба познакомится с нашим письмом Черчиллю.— Затем пояснил Жукову: — Мы предложили английскому премьеру поторопиться с открытием второго фронта.

— Даже указали устраивающие нас возможные варианты его создания,— уточнил Молотов.

— Простите, я не очень понял.— Жуков нахмурил брови, и глаза его сузились, потемнели.— И вам не потребовалось для этого мнение Генерального штаба?

Сталин и Молотов переглянулись, будто не зная, как реагировать на слова генерала армии.

— Есть ведь оперативно-стратегические целесообразности...— Жуков испытывал неловкость и с трудом подбирал слова.— Они могли быть вам неизвестны...

Сталин досадливо усмехнулся, сунул в рот мундштук трубки и успокоительно сказал:

— Мы пока исходили из целесообразностей политической стратегии... Из изученных нами факторов.

— В порядке военно-политического зондажа,— добавил Молотов и открыл одну из своих папок.— Вот, Георгий Константинович, можете познакомиться с личным посланием товарища Сталина господину Черчиллю.

От Жукова не ускользнуло чуть заметно сделанное Молотовым ударение на словах «личным посланием», и он тут же сказал:

— Я не дипломат... Раз существует форма обменов между главами правительств личными посланиями, может, Генштаб действительно тут ни при чем.

— Читайте,— требовательно сказал Сталин и, повернувшись к Жукову спиной, медленно направился к своему рабочему столу.

Жуков взял две странички с четким машинописным текстом и про себя начал читать:

«Разрешите поблагодарить Вас за оба личных послания.

Ваши послания положили начало соглашению между нашими правительствами. Теперь, как Вы выразились с полным основанием, Советский Союз и Великобритания стали боевыми союзниками в борьбе с гитлеровской Германией. Не сомневаюсь, что у наших государств найдется достаточно сил, чтобы, несмотря на все трудности, разбить нашего общего врага...»

Затем Сталин сообщал премьер-министру Великобритании, что положение советских войск на фронте продолжает оставаться напряженным, и объяснял причины этого...

«Мне кажется далее,— писал он,— что военное положение Советского Союза, равно как и Великобритании, было бы значительно улучшено, если бы был создан фронт против Гитлера на Западе (Северная Франция) и на Севере (Арктика).

Фронт на севере Франции не только мог бы оттянуть силы Гитлера с Востока, но и сделал бы невозможным вторжение Гитлера в Англию. Создание такого фронта было бы популярным как в армии Великобритании, так и среди всего населения Южной Англии. Я представляю трудность создания такого фронта, но мне кажется, что, несмотря на трудности, его следовало бы создать не только ради нашего общего дела, но и ради интересов самой Англии. Легче всего создать такой фронт именно теперь, когда силы Гитлера отвлечены на Восток и когда Гитлер еще не успел закрепить за собой занятые на Востоке позиции.

Еще легче создать фронт на Севере. Здесь потребуются только действия английских морских и воздушных сил без высадки войскового десанта, без высадки артиллерии. В этой операции примут участие советские сухопутные, морские и авиационные силы. Мы бы приветствовали, если бы Великобритания могла перебросить сюда около одной легкой дивизии или больше норвежских добровольцев, которых можно было бы перебросить в Северную Норвегию для повстанческих действий против немцев. 18 июля 1941 года».

— Все логично, товарищ Сталин... Мысль к мысли, как патроны в обойме.— Жуков попрежнему испытывал неловкость за высказанное недоумение по поводу того, что к выработке вариантов открытия второго фронта не были привлечены специалисты Генерального штаба. Генштабисты ведь действительно изучали возможности вооруженных сил Великобритании нанести где-либо серьезный удар по немецко-фашистским войскам.

— Патроны в обойме — это хорошо сказано.— Сталин смотрел на Жукова с чуть заметной улыбкой.— А ваш вопрос, почему мы не прибегли к помощи Генштаба, логичен. Впредь в переговорах с союзниками о втором фронте и их помощи нам мы будем опираться не только на Генштаб, но и на всю вычислительную службу наших наркоматов, работающих на оборону.

— И на запросы начальника тыла Красной Армии товарища Хрулева,— добавил Молотов.

— Интересно, товарищ Сталин, как откликнутся англичане на ваши предложения,— сказал Жуков, с удовлетворением восприняв услышанное.

— Не спешат откликаться.— Молотов похлопал рукой по папке с бумагами.— Они сейчас, как я полагаю, с особой тщательностью собирают и суммируют информацию о положении дел на наших фронтах, опираясь главным образом на немецкие источники. И сравнивают с нашей информацией... И, я думаю, ждут, как поведет себя Москва после первых бомбардировок. Выстоит ли, мол?..

— Да, ждут результатов бомбардировок,— согласился Сталин.— Геринг и Гитлер, особенно в последние дни, яростно грозятся тотально разгромить Москву бомбардировкой с воздуха и утопить ее в море огня. Возможно, эта угроза пугает англичан, познавших на себе силу ударов немецкой авиации. Они, возможно, боятся, что и мы с вами не уцелеем и им тогда не с кем будет вести переговоры...— Сталин вдруг умолк и, глядя на Жукова, будто с трудом подбирал дальнейшие слова.— Еще четвертого июля один разведывательный самолет немцев проник в небо западных окраин Москвы. С тех пор они непрерывно ведут воздушную разведку...

— Да, товарищ Сталин. Посты ВНОС[1] уже зарегистрировали около девяноста разведывательных полетов в направлениях Москвы,— подтвердил Жуков.— Девять самолетов прорвались в район города... Летчиками нашего 6-го истребительного корпуса сбито несколько «хейнкелей»... Один таранен...

— Сбить несколько воздушных немецких разведчиков из десятков — не густо,— задумчиво сказал Сталин и приблизился к одному из окон, выходивших на Арсенал[2].— Это не очень соответствует нашему убеждению, что советская военная наука глубоко разработала тактику противовоздушной обороны крупных административных и промышленных центров.

Жуков хотел объяснить Сталину, что у немцев разведывательные самолеты новейшей конструкции. К тому же, как показали сбитые и плененные немецкие летчики, самолеты облегчают до предела: заправляют строго ограниченным количеством бензина, снимают часть вооружения, сажают за штурвалы самых легких по весу пилотов... Этим достигают высоты полетов свыше восьми километров. Но Сталин, продолжая смотреть в окно, упредил Жукова:

— Докладывайте... Какие изменения на фронтах?

Процедура доклада суммированных Генштабом сведений о событиях на фронтах стала привычной для Жукова. И он, развернув на столе карту стратегической обстановки, карту с нанесенной группировкой немецких войск, справки о состоянии наших войск и материально-технических запасах фронтов и центра, четко и размеренно начал говорить о том, что за истекшие сутки завершился начатый 14 июля контрудар 11-й армии Северо-Западного фронта по 4-й танковой группе противника в районе Сольцы. В результате контрудара войска армии заняли Сольцы и отбросили немцев на 24—38 километров. И Жуков, склонившись над картой, назвал ряд населенных пунктов, по которым проходил сейчас рубеж 11-й армии.

Далее начальник Генерального штаба охарактеризовал обстановку на западном направлении, сообщив при этом, что войска 22-й армии под ударами превосходящих сил врага оставили город Великие Луки.

На Юго-Западном фронте 26-я армия из района южнее Киева перешла в наступление против войск 1-й немецкой танковой группы. Наступление не получило развития, однако вынудило противника перейти к обороне на рубеже Фастов, Белая Церковь, Тараща...

Сталин слушал, фиксируя в памяти самое существенное, и в то же время мысли его раздваивались, как бы текли по двум руслам. Стоя у окна и вникая в доклад Жукова, он смотрел на уже поднадоевшую картину: об-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 50, 51.

[1] ВНОС — Воздушное наблюдение, оповещение, связь.

[2] Арсенал — здание в Кремле для хранения оружия, снаряжения и трофеев русской армии. Построено в 1701—1736 годах. Неоднократно перестраивалось. (Прим. автора.)

несенный забором, раскопанный и изломанный сквер, ленту транспортера, непрерывно и неутомимо двигавшуюся к вершине забора, неся на себе из-под земли крошево грунта. За забором урчали грузовики, по очереди подставляя свои кузова под транспортер... Это метростроевцы торопились закончить бомбоубежище. Сталину запомнился тот довоенный майский день, когда началось это строительство в Кремле. Накануне того дня он выступал в зале заседаний Верховного Совета перед выпускниками военных академий; потом в Георгиевском зале был традиционный правительственный прием.

Молотов, который был на приеме председателем, объявил, что слово для тоста предоставляется товарищу Сталину. И, когда после бурных аплодисментов наступила тишина, Сталин произнес речь, в которой без обиняков сказал, что война уже стучится в нашу дверь, и напомнил, что в современной войне большую роль играет артиллерия как «бог войны», затем предложил выпить за артиллеристов.

Но молодость беспечна. Никого не удручило напоминание Сталина о войне. Веселый гуд за столами не утихал. Тут же, в Георгиевском зале, стали выступать артисты...

А на другой день в Кремле началось строительство бомбоубежища, продолжающееся и по сей день, когда в небе Москвы уже появляются разведывательные фашистские самолеты. Сталин с досадой и горечью в мыслях отвернулся от окна и увидел, что Жуков, закончив доклад, выжидательно смотрит на него.

— Я полагаю, товарищ Жуков,— сказал Сталин,— что сейчас в самый раз проверить Московскую зону противовоздушной обороны. Как она готова к отражению воздушного нападения...— После паузы уточнил: — Пока дневного нападения.

— Разрешите, товарищ Сталин, завтра?

— Хорошо, завтра...

6

Нарком иностранных дел Молотов, сидя за рабочим столом в своем кабинете, обставленном старинной ореховой мебелью, испытывал крайнее нетерпение. Только что ему сообщили: из английского посольства доставлено ответное письмо Черчилля, адресованное Сталину. Пока письмо переводили на русский язык, Молотов спешил рассмотреть ждавшие своей очереди документы, чтобы затем со всем вниманием отнестись к посланию премьер-министра Великобритании. Его нетерпение выражалось в том, что он, читая бумагу за бумагой из текущих дел, не мог забыть о письме, стараясь предугадать его содержание. И с тревогой посматривал на часы: близилось время, когда надо было ехать на командный пункт ПВО, где Государственный Комитет Обороны будет проверять нашу боеготовность к отражению воздушных налетов на Москву.

Молотову подумалось, что время будет сэкономлено, если послание Черчилля принесут прямо к Сталину, и позвонил ему.

— Товарищ Сталин! — с некоторой возбужденностью заговорил Молотов, услышав в телефонной трубке: «Сталин слушает...» — Товарищ Сталин, привет тебе от господина Черчилля... Доставлен пакет из английского посольства...

— Приходи,— коротко сказал Сталин, никак не выразив своих эмоций.

— Я иду, а письмо следом, как только переведут.

Прошагав через тишину и безлюдность коридоров, Молотов вскоре оказался в кабинете Сталина. Застал здесь Калинина и Маленкова. Не успел вникнуть в их разговор, как в дверях появился Поскребышев, держа в руке зелененькую папочку.

— Товарищ Сталин, вам послание от Черчилля,— с некоторой торжественностью произнес он, будто первым узнал о письме английского премьера.

— Не может быть! — с притворным удивлением воскликнул Сталин.— А ну-ка давай почитаем, что пишет консерватор в большевистский Кремль.

Взяв папку, Сталин раскрыл ее и присел к торцу стола для заседаний. Окинув всех многозначительным взглядом, начал медленно читать:

«Господину Сталину...

Я был весьма рад получить Ваше послание и узнать из многих источников о доблестной борьбе и многочисленных сильных контратаках, при помощи которых русские военные силы защищают свою родную землю. Я вполне понимаю военные преимущества, которые Вам удалось приобрести тем, что Вы вынудили врага развернуть силы и вступить в боевые действия на выдвинутых вперед западных границах, чем была частично ослаблена сила его первоначального удара.

Все разумное и эффективное, что мы можем сделать для помощи Вам, будет сделано. Я прошу Вас, однако, иметь в виду ограничения, налагаемые на нас нашими ресурсами и нашим географическим положением. С первого дня германского нападения на Россию мы рассматривали возможность наступления на оккупированную Францию и на Нидерланды. Начальники штабов не видят возможности сделать что-либо в таких размерах, чтобы это могло принести Вам хотя бы самую малую пользу. Только в одной Франции немцы располагают сорока дивизиями, и все побережье более года укреплялось с чисто германским усердием и ощетинилось орудиями, колючей проволокой, укрепленными огневыми точками и береговыми минами. Единственный участок, где мы могли бы иметь хотя бы временное превосходство в воздухе и обеспечить прикрытие самолетами-истребителями,— это участок от Дюнкерка до Булони. Здесь имеется сплошная цепь укреплений, причем десятки тяжелых орудий господствуют над подходами с моря, многие из них могут вести огонь через пролив. Ночное время длится менее пяти часов, причем даже в этот период вся местность освещается прожекторами. Предпринять десант большими силами означало бы потерпеть кровопролитное поражение, а небольшие набеги повели бы лишь к неудачам и причинили бы гораздо больше вреда, чем пользы, нам обоим. Все кончилось бы так, что им не пришлось бы перебрасывать ни одной из частей с Ваших фронтов, или это кончилось бы раньше, чем они могли бы это сделать.

Вы должны иметь в виду, что более года мы вели борьбу совершенно одни и что, хотя наши ресурсы растут и отныне будут расти быстро, наши силы напряжены до крайности, как в метрополии, так и на Среднем Востоке, на суше и в воздухе, а также что в связи с битвой за Атлантику, от исхода которой зависит наша жизнь, и в связи с проводкой всех наших конвоев, за которыми охотятся подводные лодки и самолеты «фокке-вульф», наши военно-морские силы, хотя они и велики, напряжены до крайнего предела.

Однако, если говорить о какой-либо помощи, которую мы могли бы оказать быстро, то нам следует обратить наши взоры на Север. Военно-морской штаб в течение прошедших трех недель подготавливал операцию, которую должны провести самолеты, базирующиеся на авианосце, против германских судов в Северной Норвегии и Финляндии, надеясь таким образом лишить врага возможности перевозить войска морем для нападения на Ваш фланг в Арктике. Мы обратились к Вашему Генеральному штабу с просьбой удержать русские суда от плавания в известном районе между 28 июля и 2 августа, когда мы надеемся нанести удар. Во-вторых, мы направляем теперь же некоторое число крейсеров и эсминцев к Шпицбергену, откуда они будут иметь возможность совершать нападения на неприятельские пароходы сообща с Вашими военно-морскими силами. В-третьих, мы посылаем подводные лодки для перехвата германских транспортов вдоль Арктического побережья, хотя при постоянном дневном свете такие операции особенно опасны. В-четвертых, мы посылаем минный заградитель с различными грузами в Архангельск. Это самое большое, что мы в силах сделать в настоящее время. Я хотел бы, чтобы можно было сделать больше...»

Сталин прервал чтение и осипшим голосом сказал:

— Он хотел бы... Если б хотел, то не пустозвонил бы...

Далее в письме шла речь о том, что норвежской легкой дивизии не существует, что изучается в качестве дальнейшего шага возможность базирования на Мурманск нескольких эскадрилий британских самолетов-истребителей, а также высказывались опасения, что, как только станет известно о присутствии британских военно-морских сил на Севере, немцы немедленно бросят туда крупные соединения пикирующих бомбардировщиков.

В заключении письма Черчилль писал:

«Прошу предложить не колеблясь что-либо другое, о чем Вам придет мысль. Мы же в свою очередь будем тщательно искать другие способы нанести удар по нашему общему врагу».

В кабинете стало тихо и тоскливо. Блики, падавшие из окон на противоположную стену, чуть дрожали, будто напоминая, что там, за стенами здания, тоже есть жизнь.

Закрыв папку, Сталин с досадой отодвинул ее к сидевшему рядом Молотову и, поднявшись, зашагал по ковру. Все ждали, что он скажет... В воздухе вновь поплыл ароматный запах дыма от трубочного табака...

— Привычка — вторая натура.— Сталин тихо засмеялся, качнул головой и продолжил: — Верная пословица!.. У английских политиков привычка и натура слились воедино: испокон веков привыкли они глазеть на Европу как на опытный полигон своей политики, чувствуя себя на островах как у Христа за пазухой... Мир в Европе или пожар войны — им мало печали: их не угрызешь, а польза для них всегда будет...

— Для них, пожалуй, больше пользы при военных ситуациях,— уточнил Калинин, когда наступила пауза.— Вся история — свидетельство этому.

— Вот именно,— согласился Сталин.— Уверен, что, когда мы разобьем фашистов и заживем в мирных условиях, твердолобые, ненавидя коммунизм, будут мешать нам.

— Истина эта весьма очевидна,— сказал Молотов, когда Сталин умолк. Затем, ни к кому не обращаясь, спросил: — Итак, какое резюме? Не спешит Черчилль нам на помощь, не торопится открывать второй фронт.

— Да, не торопится.— В голосе Сталина зазвучало раздражение.— А посему продолжай по дипломатическим каналам заставлять правителей Англии изворачиваться, чтоб нам еще яснее стала их позиция. Я же пока не буду отвечать на это письмо Черчилля, как пустое и малозначащее. А там время покажет...

— Хорошо,— согласился Молотов и, пригладив пальцем чуть седеющие усы, извинительно спросил у Сталина: — Не будешь возражать, если я не поеду на командный пункт ПВО?.. Ждет уйма дел... И не хотелось бы откладывать встречу с руководителями танковой промышленности. На мне ведь и эта ноша!

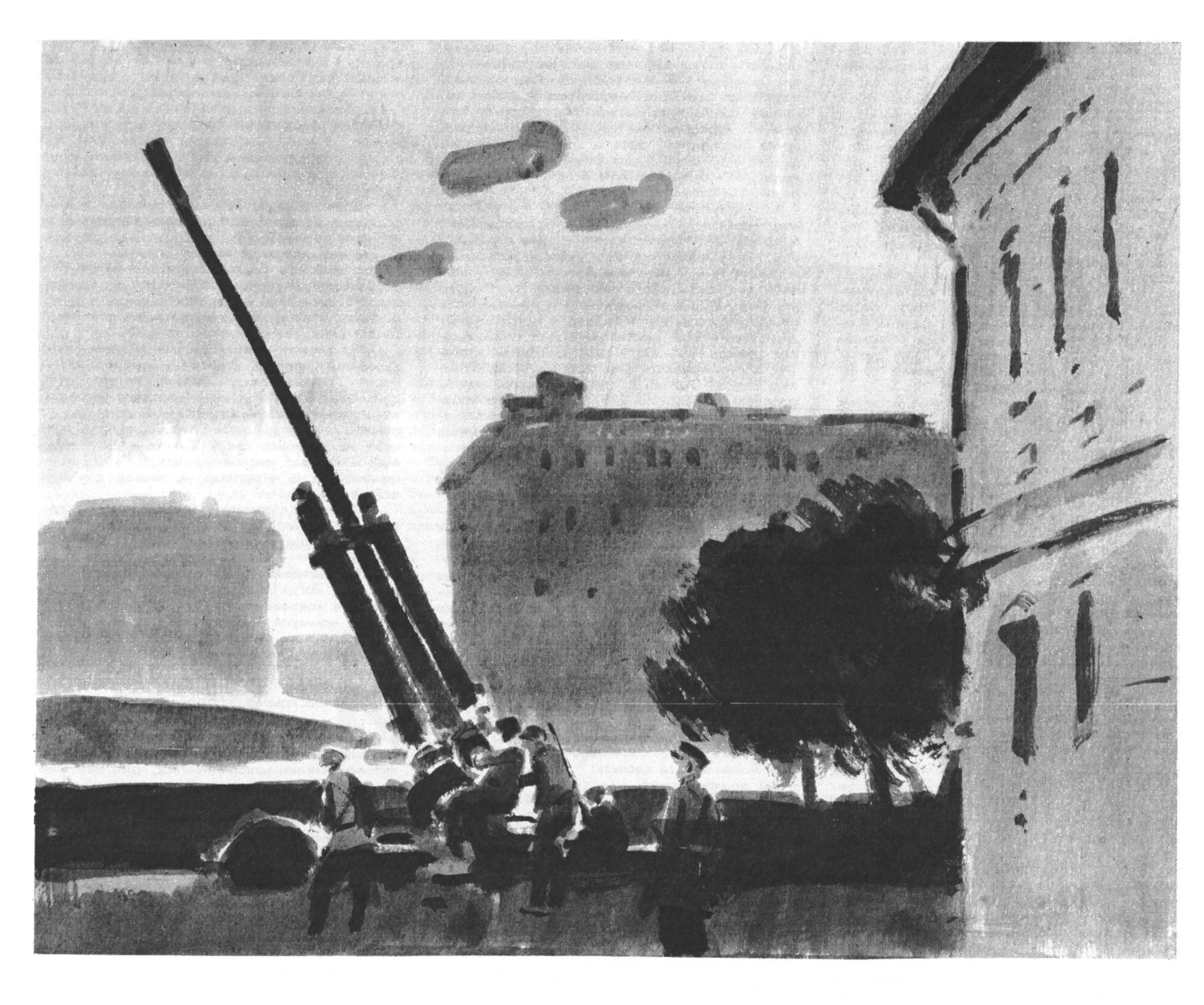
Сталин кивнул в знак согласия, и Молотов ушел. В кабинете воцарилось молчание. Все, кажется, думали об одном и том же: в ближайшие дни ожидался массированный налет немецких бомбардировщиков на Москву. Как все будет? Ведь каждая столица Европы, на которую обрушивались немецкие бомбы, испытала ужас беззащитности. Немецкая авиация оказывалась сильнее их противовоздушных средств, и кварталы столиц превращались в развалины... А как покажут себя Москва и стражи ее неба?..

Сталина мучило ощущение чего-то еще не сделанного, не предусмотренного. В тревоге тоскливо ныло сердце.

Но сделано было, кажется, сверхвозможное, особенно после того, как Государственный Комитет Обороны принял 9 июля решение «О противовоздушной обороне Москвы».

Намного были опустошены «сусеки», хранившие запасы вооружения, и поставлено в строй только что поступившее с заводов. Зенитно-артиллерийские части, прикрывающие город, полностью укомплектованы техникой и людьми. В корпус влились четыре вновь сформированных зенитно-артиллерийских и два зенитно-пулеметных полка. Это сила, а в целом силища, несмотря на то, что критическое положение на фронтах вынудило взять изрядное количество зенитных орудий с расчетами для формирования противотанковых полков...

Сейчас приготовились грозно устремить свои железные жерла в московское небо 1044 орудия и 336 зенитных пулеметов. Один зенитный полк окопал свои батареи прямо во дворах, на бульварах, площадях, в скверах Москвы, усилив оборону ее центра и особенно Кремля. Количество прожекторных стан-

ций, способных одновременно взметнуть в ночную небесную высь потоки света, было доведено до 618 единиц. Каждый зенитно-артиллерийский полк имел свой хорошо укомплектованный прожекторный батальон. Поэтому было решено прожекторные полки вывести из зоны зенитной артиллерии, чтобы с помощью их лучей создать на подступах к столице в северо-западном и юго-западном направлениях шесть световых полей, как световую зону-ловушку для ночного боя нашей истребительной авиации. В ближайшее время планировалось образовать еще десять таких световых полей.

Усилены также части аэростатов заграждения. Над центром города, над водонасосными станциями, а также вдоль западной и южной границ Москвы готовы были высоко вознестись привязанные неподвижные летательные аппараты; каждый из них, когда он еще касался брюхом земли, похож на племенную, раздувшуюся до размеров горы опоросную свинью; в небо они унесут на себе длинные, свисающие вниз заградительные тросы и с земли уже будут выглядеть, как разбежавшиеся по вечереющему поднебесью поросята.

Но главные надежды возлагались на ночных истребителей. Именно поэтому авиационный корпус, прикрывавший столицу, спешно пополнили двумя полками самых современных скоростных истребителей Пе-3 конструкции В. М. Петлякова, оснащенных мощным пулеметно-пушечным и ракетным вооружением. И как особую ударную силу в состав корпуса включили две эскадрильи летчиков-испытателей, среди которых были уже известные стране А. Б. Юмашев, В. Н. Юганов, М. Л. Галлай, В. В. Шевченко, А. П. Якимов, М. К. Байкалов, М. Ф. Федоров и др.

Всего имелось 602 самолета-истребителя, готовых днем и ночью устремиться в небо навстречу воздушному противнику.

Части ВНОС — глаза и уши командования ПВО — могли оповестить Москву о приближении немецких самолетов на удалении до 250 километров от города. Вокруг столицы было развернуто 702 поста. Главный пост Московской зоны ПВО имел прямую проводную связь с главными постами ВНОС всех зон — Северной, Северо-Западной, Западной, Киевской и Южной. На рубеже Ржев — Вязьма имелось несколько технических новинок — радиолокационных станций обнаружения, которые засекали самолеты и обеспечивали наблюдение за ними в зоне до 80 километров, хотя еще не могли определять их принадлежность, количество и высоту полета.

Во всяком случае, внезапное воздушное нападение на Москву исключалось. И была создана возможность наводить наших ночных истребителей на вражеских бомбардировщиков.

Сама Москва тоже оживилась в острой и жгучей тревоге. Рабочие заводов и фабрик, служащие учреждений, студенты и школьники, домохозяйки и пенсионеры спешили на призыв Моссовета записаться в дружины и отряды — противопожарные, медицинские, дегазационные, аварийные. Москвичи, словно от удара электрического тока, встряхнулись, устремив мысль к одному — сделать все, чтобы отвратить беду. Председатель Моссовета Пронин, его заместитель Яснов, первый секретарь МК и МГК Щербаков, опираясь на работников своего аппарата, на исполкомы райсоветов и райкомы партии столицы, не отличали дня от ночи, готовя Москву к тяжелым испытаниям. На базе управления исполкома было создано 6 специализированных полков и 26 батальонов местной противовоздушной обороны, на предприятиях и при домоуправлениях — сотни команд самозащиты и тысячи санитарных. Сформированы полки, отдельные батальоны и роты для ликвидации последствий бомбардировок. Более двухсот тысяч человек влились в специальные противопожарные команды. Оборудованы тысячи и тысячи бомбоубежищ.

Да, Москва поднялась на борьбу. Стар и млад учились всему, что могло пригодиться,— тушению зажигалок, оказанию помощи раненым, пользованию противогазами. Люди словно переродились, позабыв о собственных устремлениях, бедах, нуждах или неурядицах. Жильцы коммунальных квартир будто стали едиными семьями, население каждого дома — боевыми дружинами, спаянными общими заботами. А главное — каждый до изнеможения трудился на своем посту. Так требовала война.

Для дезориентации врага были закамуфлированы наиболее заметные с воздуха здания и площади города, замаскирована излучина Москвы-реки у Кремля. Даже меняли ландшафт Подмосковья. В 200-километровой зоне от столицы как по волшебству выросли многочисленные заводы, фабрики, нефтебазы, элеваторы, аэродромы, мосты, склады... Это

были всего лишь макеты, возведенные инженерными войсками при помощи москвичей и жителей области, чтобы отвлечь внимание воздушного противника от подлинных военно-промышленных объектов. Столь огромное дело возглавлял заместитель председателя Исполкома Моссовета Михаил Алексеевич Яснов, опираясь на помощь главного архитектора Москвы Дмитрия Николаевича Чечулина и военных специалистов.

Но у советского руководства все-таки были основания для глубоких тревог. Сталин, Жуков, как и командование ПВО страны, прекрасно понимали, что полностью скрыть наши приготовления от немцев вряд ли было возможно. Не дремала же их агентурная разведка, и не зря врывались в московское небо немецкие самолеты-разведчики.

Наша разведка тоже подтверждала, что противник замышляет нечто грандиозное... А о многом можно было только догадываться. Ведь с продвижением немецких войск в глубь нашей территории все ближе становились к Москве аэродромы, на которых базировалась фашистская авиация. Было доподлинно известно, что только для обеспечения рвавшихся к Москве немецких войск группировки «Центр» враг сосредоточил 1600 боевых самолетов.

А что готовилось для удара с воздуха непосредственно по Москве? По Москве не вообще, а по конкретным целям в ней — Кремлю, зданиям ЦК партии, «Правды», ЦК комсомола, административным учреждениям, крупнейшим предприятиям, мостам, железнодорожным узлам и просто по жилым, густонаселенным кварталам... Если б можно было иметь всевидящее око... Оно бы узрело, как скрупулезно немецкое командование создавало из своих лучших эскадр специальную авиационную группу.

Была перебазирована на Восток 53-я авиаэскадра дальних бомбардировщиков «Легион-Кондор», обретшая опыт разбойничьих налетов на города Испании, а позже — Польши, Югославии, Греции. Экипажи новейших бомбардировщиков «хейнкель-111» этой эскадры уже не раз побывали над Лондоном и Парижем.

Была нацелена на Москву и 4-я бомбардировочная эскадра «Вевер»; в 1940 году она беспощадно бомбила Лондон, Ливерпуль, Бирмингем, Бристоль и другие города Англии.

На аэродромы в районе Барановичей приземлилась 55-я бомбардировочная эскадра особого назначения «Гриф», а в район Бобруйска — 28-я эскадра...

Сотни немецких бомбардировщиков новейших типов изготовились для тотального сокрушающего удара по советской столице. Их экипажи — офицерский цвет фашистских военно-воздушных сил; почти половина командиров воздушных кораблей были в званиях полковников.

Созданное единое руководство этой особой авиационной группы во главе с командующим 2-м воздушным флотом генерал-фельдмаршалом Кессельрингом в поте лица репетировало варианты массированного воздушного нападения на Москву с разных направлений, разных высот и в разное время. С немецкой педантичностью и четкостью было учтено и предусмотрено все. Казалось, никакая противовоздушная оборона не сумеет предотвратить сокрушительный удар.

Многое из приготовлений немецко-фашистского командования к уничтожению с воздуха Москвы станет известно советскому руководству позже, особенно из показаний сбитых и взятых в плен немецких летчиков в полковничьих званиях. Но и без того было ясно: надо принимать все меры, чтобы защитить не только Москву, Ленинград, Киев и Харьков, но и Тулу, Серпухов, Электросталь, Шатуру, Подмосковный угольный бассейн, многочисленные отдельные военные объекты...

Да, было над чем размышлять и о чем тревожиться. Возможно, наиболее острое беспокойство испытывал Сталин. В нескончаемом потоке важнейших и неотложных задач военно-государственного масштаба в его памяти то и дело всплывал случай, когда в московском небе появились неопознанные бомбардировщики и по ним был открыт огонь.

Продолжение следует в № 1 за 1984 год.

Екатерина ШЕВЕЛЕВА

ОСЕННИЙ ВИЛЬНЮС

Он современно многогранный,
Проспекты века распростер он.
Звучат старинные органы
В его изысканных костелах.
В чем все же обаянья тайны?
Талант? Породистая львиность?
Ажурная «Святая Анна»?
Чем очаровывает Вильнюс?
Жизнь изучая не по святцам,
Одолевая зло любое,
Сумел достойно он остаться
Всегда, во всем самим собою.
Сберечь свой рыцарский характер,
Испытанный тяжелым горем;
Лишь каплей будучи на карте,
С огромным побрататься морем.
Столетья — рядом.
Быль и небыль.
Кто в парке?
Нерис? Гедиминас?
...Янтарный клен под влажным небом.
Осенний Вильнюс.
Осенний Вильнюс.

ШКОЛА ИМЕНИ ЧЮРЛЁНИСА

Педагогу Эугенияй Амбрасеней.

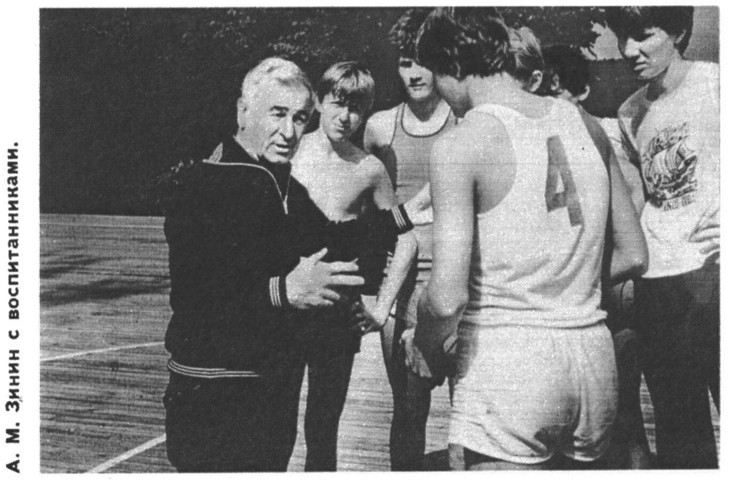
Бывает, что судьба капризная
Под гнетом держит одаренность.
Ушел в бессмертие непризнанным
Художником Чюрлёнис...
Смотрю на вихревые образы,
Написанные дерзновенно,
Как обличение коррозии
Душевной,
нравственного тлена.
Он, отвергая путы косности,
Законы творчества приемля,
Предугадал эпоху космоса,
Увидел голубую Землю.
Его стремительные линии
Достигли благородной цели:
До школы, окрещенной именем
Его,
сквозь годы долетели.
С народными сроднились трассами,
С большими буднями сроднились
И стали творческими классами,
Которыми гордится Вильнюс.
Здесь творчество ребят пронизано
Особенным, лучистым светом.
Здесь верится, что будет признанным
Талант.
Но главное не в этом!
Живет здесь увлеченность страстная
Рисунком, музыкой, балетом.
Здесь учатся ценить прекрасное.
И все же главное не в этом!
Важнее то, что нам завещано,
Важнее то, в чем весь Чюрлёнис:
Таланта прозорливость вещая,
Бесстрашной мысли окрыленность.

ГИД

(В парке Винго в Вильнюсе)

Толпе туристов расторопный гид,
Листая, словно справочник, Бессмертье,
Указкой бойкой тыкая в столетья,
О красоте пейзажа говорит.
Гид этот эрудицией силен
И твердо помнит все свои задачи.
Но если я была бы, а не он,
Экскурсию вела бы я иначе.
Сказала бы я людям:
«Помолчите;
В молчании — связующие нити».
Кружились бы в тиши златые листья.
Сияла бы нам высь бессмертных истин.
И возникало бы неспешно слово —
Деяний верных светлая основа...

ЛЕГКО ЛИ ВОСПИТАТЬ ЧЕМПИОНА?

А. М. Зинин с воспитанниками.

— Бросок, еще бросок! А теперь пас! — Тренировку ведет Александр Михайлович Зинин, заслуженный мастер спорта и заслуженный тренер СССР, которого в спортивных кругах называют «дедушкой русского баскетбола». А еще он известен как отличный исполнитель штрафных бросков: однажды он поразил кольцо со штрафного пятьдесят восемь раз.

Спортивная детско-юношеская школа олимпийского резерва № 1 Советского района столицы — одна из крупнейших в стране. Три с половиной тысячи учащихся, 55 штатных тренеров, да еще тренеры-общественники. Прекрасные спортивные залы в школе, а кроме них, малая спортивная арена Лужников, залы во Дворце пионеров, бассейны — все в распоряжении юных спортсменов.

В будущем году школе исполнится сорок лет. За эти годы подготовлено 22 чемпиона Европы, 181 чемпион Советского Союза, 230 призеров первенств СССР.

Обучают ребят основам высокого мастерства известные в прошлом спортсмены. И новички, делающие первые шаги, и закаленные в соревнованиях юные «ветераны» с интересом вслушиваются в советы заслуженных тренеров РСФСР Н. А. Максимовой и Р. С. Черементьева, А. З. Добрушина и молодых наставников, среди которых пятнадцать выпускников школы.

Дисциплина здесь строгая. Спорт развивает у ребят чувство ответственности. Порой они отказываются от кино или танцев, чтобы отработать сложный прием на площадке.

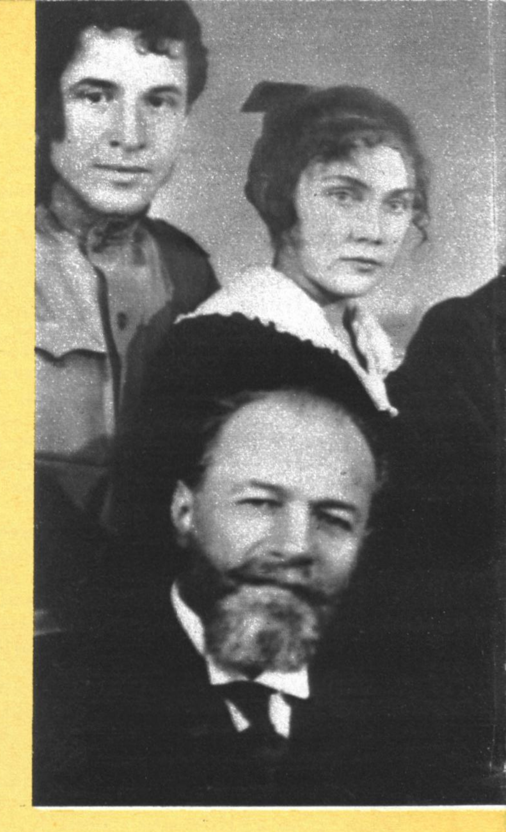
— Четыре года назад был проведен эксперимент по массовости: в школах общеобразовательных со всеми детьми проводились занятия в группах начальной подготовки,— рассказывает директор школы Юрий Яковлевич Ровинский, в прошлом воспитанник этой школы.— Сейчас это начинание приняло широкий размах. Только у нас занимаются в этих группах 1800 ребят. Тренировочный процесс мы не можем теперь представить без спортивного лагеря. Наша учеба становится круглогодичной, разнообразной.

Легко ли воспитать чемпиона? Конечно, нет. Из многих тысяч мальчишек и девчонок лишь единицы становятся мастерами высокого класса. Впрочем, и остальные не проигрывают — спортивная закалка, отличное здоровье, трудолюбие и работоспособность остаются на всю жизнь, помогают преодолевать все трудности.

Идет тренировка... И нужно видеть, с каким увлечением трудятся юные спортсмены. Может быть, они будут чемпионами?

В. АЛЕКСАНДРОВ
Фото автора

Вл. И. Немирович-Данченко и К. С. Станиславский. 1923 год.

К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

«ХУДОЖН

Из всех великих театральных деятелей, которых мне посчастливилось не только знать и наблюдать, но даже изучать, Владимир Иванович Немирович-Данченко был самым, быть может, современным человеком. Отлично чувствуя пульс своей страны, ее устремления, он разделял чаяния народа, поэтому уверенно призывал художников театра во всем объеме своего искусства оставаться правдивыми, отображая жизнь.

Он говорил:

— Художник должен быть беспокойным! Что это значит? Это значит — слышать зов жизни еще тогда, когда он еле слышен...

Удивительно важны сегодня эти слова. Ведь беспокойство — это поиск, это свершение...

При этом Владимир Иванович не мыслил искусства вне идейности. Он отчетливо понимал, что измена передовому, прогрессивному становится лазейкой для проникновения безыдейности и пошлости, что только настоящее, деятельное отношение к серьезным жизненным задачам позволяет театру оставаться на высоте подлинно художественных задач.

Группа участников спектакля «Пугачевщина». 1925 год.

Немирович-Данченко, Шаляпин, Тарасова и Зуева с участниками Второй студии МХТ. 1916 год.

М. И. Калинин вручает выдающемуся режиссеру орден Ленина. 1937 год.

Вл. И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО

ИК ДОЛЖЕН БЫТЬ БЕСПОКОЙНЫМ...»

Немирович-Данченко в год празднования 40-летия МХАТа говорил о том, что революция углубила понимание искусства и сделала его мужественнее и сильнее... МХАТ всегда признавал только искусство, насыщенное большими мыслями, — теперь он наполняет свои постановки крупными социально-политическими идеями... Театр хочет подлинного социалистического гуманизма, наполненного любовью к труду, Родине и человечеству. И ненавистью к ее врагам.

Его слова не были декларацией. Немирович-Данченко на своем личном опыте знал, как трудно добиться на сцене подлинно художественной правды, исключающей поверхностную схему на злобу дня.

— Идейность, — утверждал Владимир Иванович, — должна претворяться в плоть и кровь режиссера и актера, будучи отправной точкой искусства.

Именно в процессе работы над пьесой у актера — носителя общественных взглядов своей эпохи уже складывается точная идейная и творческая оценка образа. Но по ходу вынашивания роли у исполнителя «в мозжечке», как любил выражаться Владимир Иванович, будет сидеть некий «прокурор». Он-то и поможет артисту точно выполнить все те задачи, которые ему подсказываются переживанием...

Обращаясь сегодня к теоретическим исследованиям Немировича-Данченко, видишь, какими актуальными и нынче остаются все его мысли о театре, о работе актера. Видишь, что необходимо подходить к искусству не с «мелко налаженной душой», а с горячим и неподдельным интересом к главному содержанию жизни.

И надо ли подчеркивать, как важно это в нынешней сложной международной обстановке, когда первейший долг искусства — сплачивать людей доброй воли в активной борьбе за социалистические идеалы, против зла и насилия...

Утверждая силу высокой жизненной правды на сцене Художественного театра, Немирович-Данченко прекрасно сознавал, что самое выражение этой правды актером может предстать либо глубоким, либо поверхностным. Чтобы по-настоящему задевать душу зрителя, нужно, говорил он, отбрасывать все случайное, наносное...

Владимир Иванович учил нас, что между сознательным отражением жизни и отражением поверхностным, случайным, стихийным лежит пропасть. Идейность, считал он, обретает мощную осязаемую силу только при точном выборе типичного, при верной расстановке акцентов. Иначе никакая, даже самая замечательная идея не найдет должного воплощения: ей следует вырастать из конкретного содержания пьесы, образа, спектакля. Так Владимир Иванович формулировал непременную взаимосвязь социального и жизненного в искусстве.

Интересно отметить, он считал, что современная пьеса может порою обладать даже более притягательной силой для зрителя, чем классическая. Но в то же время именно его трактовка классики, его спектакли — «Воскресение» и «Анна Каренина» Л. Толстого, «Три сестры» А. Чехова — захватывали и покоряли зрителей живым и острым ощущением времени, актуальностью и глубиной поставленных в них нравственных проблем. И тут не было противоречия — это он сам же и доказывал своими постановками!

С уважением относясь к традициям русской сцены, Немирович-Данченко предостерегал режиссеров и актеров от рабского превращения традиций в догму. При этом он критически относился к своему собственному творческому опыту. Отстаивая самобытность, свежесть сценического искусства, он и сегодня, так же как Станиславский, остается наставником Театра. Важнейшей была и есть главная его мысль, что хоть режиссер и актер всегда зависимы и от жизни и от литературы и раскрывают жизнь через драматурга, но при всем том все-таки именно они, режиссеры и актеры, являются настоящими хозяевами Театра: они основные и главные фигуры в нем.

Он был учителем целых театральных поколений, наставник, мыслитель, режиссер — Владимир Иванович Немирович-Данченко...

П. ВАСИЛЬЕВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат Государственной премии СССР

Иллюстрации подготовил И. АЛЕКСАНДРОВ.

Немирович-Данченко в 1898 году.

На репетиции спектакля «Горе от ума». 1937 год.

среди книг

«В ДУШЕ РАБОТАЕТ РОССИЯ...»

Более полувека в строю ветеран нашего поэтического цеха Сергей Поделков. И вот перед нами его итоговый отчет читателям — выпущенный недавно двухтомник избранных произведений. «Творчество поэта — это жизнь его»,— говорит в предисловии автор. И добавляет, что биографию поэта нужно искать в его стихах. Причем не в хронологической последовательности сборника, а в «образной россыпи».

Сергей Александрович Поделков прожил большую, трудную жизнь, и судьба его сложилась нелегко. «Поле жизни — поле боя, перепаханное поле»,— написал он в своем программном стихотворении 1933 года, когда уже повидал и пережил немало.

...Вспыхивает лихолетье —
пулеметы бьют с тачанок,
кони мчатся, хлещут плети,
хруст костей, как хруст
кочанный...

...Сталь схлестнулася с железом,
ненависть сошлась с любовью,
сила трактора — с обрезом...
Поле жизни — поле боя.

Он родился незадолго до Октябрьской революции, и детская память цепко удержала уходящий мир старой России.

Позже, в Киеве, раздираемом гражданской войной, мальчик видел, как перебегали под огнем петлюровцы и высекали искры из горбатого булыжника мостовой подкованные сапоги кайзеровских оккупантов...

Потом были голодная, утонувшая в сугробах Москва, деревенский дом деда, алтайская коммуна, работа в поле. Клуб трамвайного парка в Замоскворечье приобщил будущего поэта к искусству. Синеблузником Сергей Поделков, как и его сверстники, бегал на вечера Маяковского, а после занятий в ФЗУ и смены на ткацкой фабрике «Ливерс» мучился над первыми стихами. Ему нравилась поэзия Н. Тихонова, Э. Багрицкого, В. Луговского. От них, по его собственным словам, он и пошел.

Литературное объединение «Искра» и так называемые литдекадники при журнале «Огонек», возглавляемые тогдашним заместителем главного редактора писателем Е. Зозулей, помогли юноше сделать окончательный выбор. Он начал печататься — сначала в фабричной многотиражке, затем в «Огоньке», «РОСТА», «Красной нови», «Литературной газете» и в других периодических изданиях. Вместе с ним громко заявили о себе в ту пору участники огоньковских литдекадников Я. Смеляков, С. Михалков, Л. Ошанин, С. Васильев.

Их творческое возмужание совпало с романтикой первой пятилетки, и каждый из молодых поэтов искал в «сплошной лихорадке буден» свой путь. Поделков с самого начала стремился к расширению образной системы, к психологическому изображению жизни.

Сергей Александрович вспоминает, что пытался тогда опробовать все формы европейской поэзии. Менялись размеры и строфика, менялись литературные пристрастия, но оригинальность художественного видения мира оставалась неизменной. Она проистекала из особого душевного склада, из обостренного лирического чувства, которое сквозило и в стихах о любви и в «Былине об эскадроне», «Кавалерийской», «Смерти селькора»...

Первый сборник поэта вышел в 1934 году. Готовилась к печати вторая книга. Но тут судьба круто изменилась. Поделков оказался в печорской тайге. Пришлось стать лесорубом, землекопом, грузчиком, сплавлять лес, начальствовать на пристани... Большой запас жизненных наблюдений переплавлялся в стихи. В таежной глуши рождались поэмы, посвященные историческим судьбам России,— «Утро после ассамблеи», «Казнь на Троицкой площади».

И вновь — Москва, служба на радио, продолжение начатых поэм о Петре. «Царь правил корректурный лист. По строчкам шло торжественно, как парус, гусиное перо. Спускалось вниз, за ярусом осматривая ярус...» Вкус к слову, боязнь изношенных эпитетов и метафор, обновление образов органично присущи творчеству С. Поделкова предвоенных лет. Они сохранились у него и в последующие годы.

Войну он начал на Волховском фронте и закончил в Кёнигсберге — не журналистом, не поэтом фронтовых газет, но рядовым, сапером, пулеметчиком, понтонером. Времени на стихи не оставалось. Все же в короткие передышки между боями они просились на бумагу. Их немного в «Избранном», однако каждое дает зримое представление о солдатском труде, поте и крови, наполнено точным знанием военного быта и психологии бойца.

Позже поэт еще не раз возвращался к памяти войны — и в «Героическом триптихе», и в лирической поэме «Власть сердца», и в других произведениях. Он не ограничивал себя какой-либо одной темой: писал о восстановлении разрушенного (поэма «Строитель»), о гудящих цехах, о поисковых партиях, о радости человеческого бытия. Поездки по стране приносили новые впечатления, знакомили с новыми героями, поновому открывали Россию.

Она неизменно присутствует в послевоенных стихотворениях и поэмах Поделкова, с завораживающей красотой девичьих хороводов, напевным голосом реки, стремительным бегом коней, с «дымящимся подарком» вынутого из русской печи каравая.

...И новь и блеск преображенья,
ума и зренья острие,
предвиденье и вдохновенье —
все от нее, все от нее —
улыбка в космосе, взрывные
султаны нефти, облик дня...
В душе работает Россия —
и мысли ход, как бег огня.

Это сказано в стихотворении 1972 года «Вдохновение». Не только свежесть восприятия окружающего мира, но и жадный, молодой интерес к жизни обнаруживаем мы в поздних стихах автора. Его по-прежнему волнуют страницы отечественной истории, образы великих русских художников, поэтов. «О мудрость осени, печаль в огне — свет Левитана!» Удивительные строки, навеянные знаменитой левитановской картиной «Золотая осень». А рядом — проникновенное обращение к любимой «Я тебя забываю», навеянное переживаниями тридцатилетней давности.

Особый цикл составляют в книге поэтические миниатюры, связанные с гербами разных русских городов. Здесь вновь проявилось умение С. Поделкова видеть возвышенное в будничном, обыденном, чутко ощущать перемены, происходящие в жизни, ее внутренние истоки.

Откровенность, доверительность интонации — еще одно отличительное свойство поэзии Сергея Поделкова. И порой в его поздних стихах прорываются печаль и горечь пережитого.

Годы, душу вы исподволь давите,
усталь сдерживает, как силок,
панорамное свойство памяти
все сужается в странный
бинокль...

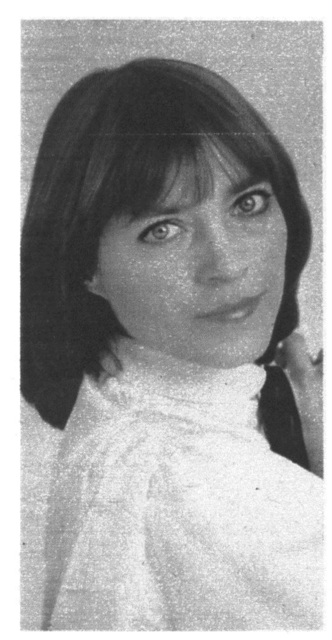
По-прежнему свеж талант семидесятилетнего ветерана отечественной литературы. По-прежнему верно и самозабвенно служит он высокой музе поэзии.

Юрий ОСИПОВ

Сергей Поделков. Избранное. Т. 1—2. М., «Художественная литература», 1982.

В ЭТИ ПРЕДНОВОГОДНИЕ ДНИ

КАТИ КОВАЧ: «ИГРАЮ В ТЕАТРЕ ПЕСНИ»

«Я большой поклонник современной эстрадной музыки. В этом году на гастролях в СССР побывали многие коллективы из социалистических стран. Особенно запомнилось мне выступление венгерской певицы Кати Ковач. Очень хочется узнать подробнее об этой талантливой и самобытной исполнительнице».

Александр Куликов, студент. Зеленоград.

...В номере гостиницы «Будапешт» беседуем с Кати. Она рассказывает, какими событиями была наполнена ее жизнь между двумя поездками в нашу страну: записана и готовится к выходу очередная большая пластинка; состоялись гастрольные турне по Бельгии, Франции, Италии, Австрии; на родине, в Венгрии, вышла о ней книга и сразу же стала библиографической редкостью. Все? Нет, снова предложили сниматься в кино, а она в который раз отказывается.

— Почему, Кати? У вас так интересно все получается на сцене. Не часто встретишь певицу, которой удается «прожить» в песнях несколько жизней за один вечер...

— Пятнадцать лет назад я получила приз как лучшая киноактриса года. Снималась у режиссеров Ференца Кардаша, Миклоша Янчо, Марты Месарош. Шесть главных ролей в моем киноактиве. А вот сейчас, похоже, мой «роман» с кинематографом благополучно завершился. Участвовать в фильмах особого желания нет, тем более, когда тебе предлагают не играть, а лишь спеть две-три веселые песенки.

— Часто приходится слышать: этот певец, мол, поет неинтересно, по старинке, а в других восхищает верность стилю, избранному давным-давно. В чем же все-таки секрет эстрадного долголетия?

— Последнее слово всегда за зрителями. При этом неважно, какого они возраста. Их искренние чувства и являются той чудодейственной силой, которая продлевает нам, эстрадным артистам, жизнь. Работать вполсилы, когда от тебя ожидают максимума,— это прямой путь к финишу.

Найти свой стиль в эстраде нелегко. Но когда он сложился, лучше всего творчески следовать ему. За примерами не надо ходить далеко: Клавдия Шульженко, Жильбер Беко, Шарль Азнавур, Элла Фитцджеральд... Верно ведь, никто не станет утверждать, что их творчество старое и скучное!

— Назовите самую любимую из ваших тринадцати долгоиграющих пластинок...

— Еще не вышла такая большая пластинка, на которой все песни исполнены и записаны так, как хотелось бы. Несколько лет назад появился маленький диск, на нем я пою «Песню о матерях». С тех пор у меня есть любимая песня.

— ...и наиболее памятное выступление.

— В прошлом году пела со сцены будапештского зала «Вигадо». Той самой сцены, на которой некогда стоял рояль Ференца Листа...

— Успехов вам, Кати! До скорой встречи.

— Желаю в Новом, 1984 году всего наилучшего читателям журнала «Огонек»!

Интервью вел В. КОВАЛЕВ.

В. Стожаров. 1926—1973. НОВГОРОД. 1970.

Омский музей изобразительных искусств

Н. Чернышев. 1885—1973. В ДОЖДЬ. 1932.

Омский музей изобразительных искусств

До встречи в марте

Марк ТАЙМАНОВ,
международный гроссмейстер,
шахматный обозреватель «Огонька»

Телефото ЮПИ—ТАСС

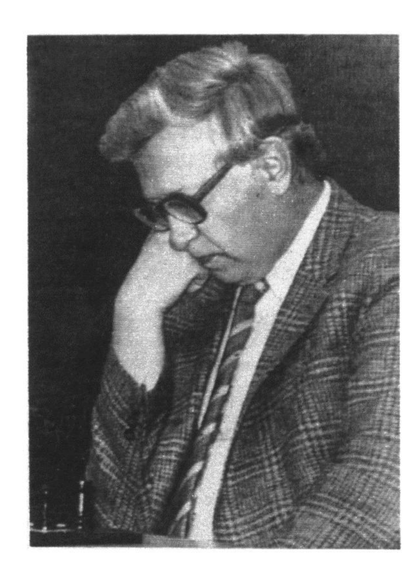
Когда Гарри Каспаров нанес своему сопернику в шестой и седьмой партиях один за другим два чувствительных удара, легко было предположить, что даже такой опытный матчевый боец, как Корчной, потеряет душевное равновесие. Тайм-аут был необходим ему, как боксеру, оказавшемуся в состоянии грогги. Наверное, нелегко было сознавать, что столь многообещающе складывающийся поединок оказался на грани катастрофы из-за излишней самоуверенности, недооценки партнера, отказа от оправдывавшей себя тактики сдерживания. Ведь буквально за день до перелома в ходе матча все рисовалось ему в радужных тонах. Начальник штаба Корчного английский гроссмейстер М. Стин без обиняков заявлял в газете «Нью-Йорк таймс»: «Мы считаем, что сумели оптимально подготовиться к этим соревнованиям по всем направлениям. В плане теоретическом Корчной, в первой же партии играя черными, поймал Каспарова на незнакомом ему варианте. В плане психологическом он ошеломил Каспарова тем, что вопреки обыкновению играет очень быстро и постоянно имеет запас времени. Еще важнее то, что Корчной сумел обезвредить наступательный порыв своего юного соперника, парализовать его богатейшую шахматную фантазию, выбить из его рук оружие комбинации и тактически навязать свою игру — игру без ферзей, в которой моего подопечного ныне вряд ли кто-либо способен превзойти». И вот именно в этой игре без ферзей Каспаров и превзошел своего опытного соперника. Это было самым тяжким испытанием для Корчного — уступить победу на своей же территории.

Роли поменялись. Уже Корчной оказался в положении отыгрывающегося, ему следовало пересматривать свою тактику. Но что мог дать один тайм-аут? И восьмая партия показала, что радикальных средств найти не удалось. Как подметил один из лондонских корреспондентов, было похоже, что Корчной больше боялся проиграть еще одну партию, чем стремился к победе.

А на следующий день Корчной лишился и последних иллюзий. Он играл как обреченный — апатично, скверно. Редко доводится наблюдать, чтобы гроссмейстер столь высокого класса проявлял подобную беспомощность. Беды начались в дебюте, к 20-му ходу положение стало безнадежным, а спустя еще десяток ходов все закончилось. И, что было ясно всем, а в первую очередь самому Корчному, закончилось не только в этой партии, но и в целом матче. Отыграть два очка у Каспарова, овладевшего положением, почувствовавшего уверенность в своих силах, диктовавшего ход событий, было уже невозможно. И хотя в десятой партии Корчной еще удержался, одиннадцатой суждено, оказалось, стать последней.

Обычно, если для общей победы достаточно ничьей, опытный шахматист не рвется к обострению борьбы. Когда-то в матче на первенство мира М. Эйве в аналогичной ситуации перед партией откровенно заявил А. Алехину: «Я согласен на ничью в любой позиции (этой привилегией Алехин, кстати говоря, воспользовался, когда его положение стало безнадежным), Каспаров же был бескомпромиссен. «Буду играть на победу»,— категорически объявил он своим секундантам и поставленную задачу с блеском выполнил! Пять очков в шести партиях второй половины матча набрал Каспаров. Даже самые оптимистичные его поклонники не могли рассчитывать на такой триумф.

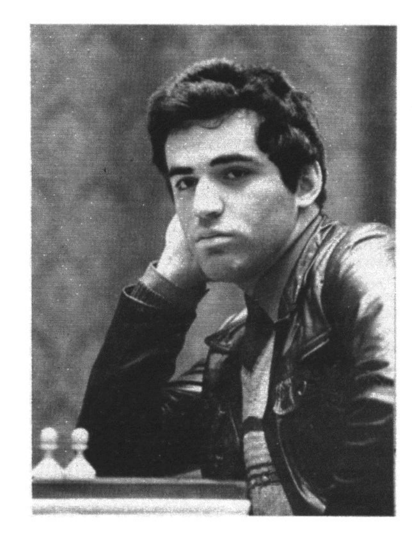
Молодой гроссмейстер добился выдающегося успеха. Он выиграл у опытного бойца, выиграл в ожесточенном поединке, выиграл, добившись перелома в ходе драматического сражения. В этом поединке Каспаров проявил себя не мальчиком, но мужем. Видный американский эксперт Роберт Бирн писал в газете «Нью-Йорк таймс»: «Порывистый гроссмейстер с Кавказа сумел проявить поразительное терпение и выдержку, продемонстрировав незаурядную психологическую устойчивость в сложной ситуации. И в творческом отношении Каспаров возмужал в ходе поединка. Молодому гроссмейстеру удалось перестроиться на новый для себя лад и, обуздав фантазию, почувствовать радость игры в навязанных соперником простых позициях с малым количеством фигур, к которым всегда питал неприязнь». Норвежский мастер Кнут Хелмирс по этому поводу не без иронии заметил: «Корчному следует объявить благодарность за то, что он ускорил созревание Каспарова в качестве глубокого, тонкого позиционного шахматиста». И пусть многочисленным поклонникам Каспарова пришлось пережить немало горьких дней в начале поединка, их волнение с лихвой компенсировалось радостными событиями финиша.

В. Смыслов.

На фоне драматического сюжета матча Каспаров — Корчной перипетии борьбы в другом поединке внешне не были столь захватывающи. Великодушный Василий Васильевич решил пощадить нервы своих почитателей и к победе пришел спокойно и уверенно, лидируя с самого старта. Но если в чисто спортивном отношении и в психологическом подтексте сражения дуэль Смыслов — Рибли не отличалась остротой, то творческое содержание этого матча было на редкость увлекательно, и заслуга здесь полностью принадлежит Смыслову.

Г. Каспаров.

Смыслов предстал на этот раз перед шахматным миром в совершенно новом свете. Обычно рациональный и сдержанный приверженец классически ясных концепций, он заиграл раскованно, смело, романтично. Уже в первой партии Смыслов создал подлинный шедевр, осуществив в изящной манере наступление малыми силами там, где многие его коллеги смирились бы с ничейным исходом. А какой захватывающей была пятая партия! Смыслов провел ее с блеском, отдав в ходе атаки ради победы больше фигур, чем было пожертвовано в остальных партиях лондонских поединков, вместе взятых.

З. Рибли, по существу, ничего не мог противопоставить своему преображенному партнеру. По его собственному признанию, он хотя и очень тщательно продумал тактику в этом матче, но Смыслов «разбил» вдребезги все эти задумки. Венгерский гроссмейстер возлагал надежды на разницу в возрасте, он стремился перенести всю тяжесть на пятый час игры, когда по всем прогнозам Смыслову полагалось бы уставать, однако на деле оказывалось, что в конце партии ветеран выглядел даже свежее своего молодого соперника. Известно, что гроссмейстер Смыслов отлично поет, есть даже пластинка, выпущенная голландской фирмой, с записью его концерта. Теперь к своему классическому репертуару Василий Васильевич с полным основанием может присовокупить и песню «Мои года — мое богатство».

Судьба поединка была практически решена уже после седьмой партии. Одержав красивую победу, Смыслов «приговорил» своего партнера к поражению. С его опытом и виртуозной техникой уже не составляло труда удержать достигнутое превосходство в счете. Как хитро использовал Василий Васильевич свое право на тайм-аут! Накануне десятой партии, когда Рибли рвался в бой с жаждой реванша, Смыслов сделал искусственный перерыв в игре, заставляя своего партнера прямо-таки маяться в ожидании встречи. Сбив темп, Смыслов умело облегчил свою задачу на финише. В последней партии Смыслов даже согласился на ничью с позиции силы. Шесть с половиной на четыре с половиной — таков блестящий итог этого поединка.

Хорошо сказал об игре Смыслова обозреватель английской газеты «Обсервер» Роберт Беллин: «Он дал урок всем, кто считал, что его лучшие годы прошли. Смыслов играет гораздо быстрее, чем кто-либо ожидал».

Итак, полуфиналы позади. Смыслов и Каспаров, находившиеся четыре недели на лондонской сцене за разными столиками, завоевали теперь право сесть за один столик. Стар и млад скоро затеют спор за право сразиться с самим чемпионом мира.

Как стало известно, финальный матч претендентов намечено провести в марте. Наберемся терпения. Весной нас ожидает увлекательное и необыкновенное шахматное событие. Впервые в истории шахмат в борьбе за первенство мира встретятся соперники, которых разделяют сорок два года.

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Виктор ПРОНИН

●

Не кажется ли вам, дорогой читатель, что разговоры о пьянстве ведутся в последнее время с некоторым перекосом в одну сторону? Припомним смешные картинки в газетах и журналах, щиты на городских площадях с портретами одутловатых типов, явно не понимающих, зачем их фотографируют, припомним суровые объявления о товарищеских судах, вывешенные у заводских проходных...

Припомнили?

Так вот, речь тут идет о пьяницах явных, как бы саморазоблачившихся. Да, они пренебрегли своими служебными, семейными обязанностями, потеряли человеческий облик и заставили содрогнуться сердца и прохожих. Они заслуживают всяческого осуждения, и чаще всего случается так, что портрет на площади или товарищеский суд в цехе становится настоящей семейной драмой, эти печальные события тщательно скрываются от детей и соседей, у виновника надолго пропадает желание веселиться столь безудержно.

Читатель, который интересуется этой темой, следит за ней и по периодике и по другим изданиям, может невольно прийти к выводу, что пьянство как таковое неизбежно сопровождается прогулами, драками, разбитыми семьями и витринами, и в этом их едва ли не единственная опасность. Однако дело обстоит не совсем так. Рухнувший под скамейку гражданин уже не сядет за руль машины, не изнасилует, не заберется в лавку или в чужую квартиру. Из этого вовсе не следует, что нужно приветствовать подобные «отключения». Но есть пьяницы, приспособляемость которых потрясает, изощренность их ума, будь она направлена на полезные дела, могла бы вызвать искреннее восхищение. Внешне такого пьяницу не отличить от человека трезвого — он вежлив, уступчив, он всегда выбрит и отутюжен, в нем чувствуется расположение к людям. Единственное, что отличает его от нормального человека,— это образ мышления, а скорее его отсутствие.

Он смело садится за руль машины. Под его оценку событий, оценку искаженную, подгоняются мнения трезвые, четкие, деловые.

Читатель из Днепропетровска В. Д. Мельник прислал в редакцию письмо, в котором рассказывает об одном из таких пьяниц. Опытный инженер, он немало проработал на заводе металлоконструкций. Не будем называть его фамилию, срамить, не в этом дело. Некоторое время назад ему поручили разработать проект довольно сложной металлоконструкции: она должна была стать частью крупного задания для одной из строек. Наш инженер, или наш пьяница, можно и так сказать, смело взялся за выполнение задания, но никому и в голову не пришло, что он переживал в это время бесшумный, бескровный, затяжной запой. Он исправно, без опозданий, приходил на работу, становился к своему чертежному комбайну, но когда вышли все сроки и специалисты взглянули на его чертеж... Он был очень похож на настоящий, но на этом его достоинства заканчивались. По сути, проект являл собой беспорядочное нагромождение линий и цифр. И оказались в простое бригады сварщиков, были сорваны сроки выполнения заказа, выплачены штрафы. И пошла, пошла эта цепная реакция по цехам, заводам, и докатилась ее волна до далекой сибирской стройки. О, сколько таких волн гуляет еще по нашим просторам, сколько самых неожиданных цепных реакций зарождается в служебных кабинетах, сумрачных забегаловках и подворотнях!

Припомним картину, которую все мы видели много раз,— «соображение на троих». Мир, согласие, взаимная доброжелательность царят в теплой компании. Пожилому человеку уступили лучшее место у стены, ему первому налили стакан, почти полный стакан водки, доза весьма серьезная. Тут же и закуска — черный хлеб, зеленый лук. Классический вариант, как говорится. Пожилой человек может быть руководителем, ревизором, прорабом, во всяком случае, молодые мужчины, чувствуется, в чем-то от него зависят. А он сам словно еще колеблется, словно не решил еще, как ему поступить, но мы-то знаем, что раздумья будут недолгими,— примет он стаканчик, примет.

Нередко видеть подобное можно уже в начале двенадцатого, через пятнадцать минут после открытия винных магазинов. Рабочий день впереди. Возможно, эти люди будут уступать место женщинам, шутить, интересоваться спортивными и международными новостями, участвовать в общей полезной деятельности, но вот смогут ли сами сделать что-либо полезное? Вряд ли. После стакана водки вряд ли.

А между тем светит солнце, шумит зеленая листва, и не доносятся сюда ни грохот машин, ни лязг станков, ни звонки подъемных кранов, и возбужденные голоса производственного совещания здесь совершенно не слышны. Глядишь, в объемистом портфеле найдется еще одна бутылочка, а рядом люди, которые тебя понимают, потешают забавными историями, слушают о твоих похождениях... Нет, им наверняка захочется повторить это прекрасное утро. Возможно, в следующий раз кого-то из них заменит другой, а там еще кто-то присоединится.

А работа, работа не волк, никуда не денется.

Наше пристальное, но узконаправленное внимание к разбитым витринам, раскрашенным носам, некрасивым поступкам в общественных местах, к преступлениям, совершенным по пьянке, убеждает таких вот пьяниц, что сами они совершенно другие, они лучше, что это другие, настоящие пьяницы томятся в вытрезвителях и других неуютных местах, над ними хохочет народ, их лишают тринадцатой зарплаты, и в отпуск они идут исключительно в декабре. Да, крепко выпивающие люди, бывает, прекрасно обходятся без скандалов, им вполне достаточно того, что они ничего не делают. Они общаются с себе подобными и находят в этом немало житейских радостей.

Это настораживает — выпивка сделалась формой общения. Некоторые становятся интересны друг другу, интересны сами себе, лишь слегка захмелев, слегка уйдя в сторону от своего привычного облика. И загораются глаза, появляются мнения, находится предмет спора, и, чего уж там, начинается «жизнь». И так хочется снова вернуться к тому состоянию, когда ты был взволнован и обо всем судил смело и раскованно, имел обо всем на свете свое суждение, а тебя в это время хлопали по плечу и что-то говорили об уважении...

Куда деваться, выпивка и уважение ближайшего окружения, готовность друзей прийти на выручку, помочь, понять нередко настолько переплетаются, что в пору говорить о рождении нового ритуала, который убежденно порицают, но не менее убежденно и соблюдают. Иногда приходится сталкиваться с положением, когда поступки, слова, даже убеждения человека определяются количеством выпитого, бутылками оценивают благодеяния, расплачиваются за услуги, бутылками измеряют ценности не только материальные, но и духовные. Случается, что от количества выставленных бутылок зависит твоя репутация как работника, твое продвижение по службе, получение тех или иных льгот и званий. То есть за тихим и вроде бы безобидным пьянством стоит мощный движущий фактор. Наряду с так называемым бытовым пьянством зарождается пьянство производственное, если позволено будет употребить такое выражение. Другими словами, выпивка проникает еще в одну область человеческой деятельности, еще в одну область человеческих отношений.

Чем это кончится? Чем угодно может кончиться.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

На экране — гористая, поросшая лесом и кустарником местность. Легкий ветерок колышет выжженную солнцем траву, ветви деревьев. На их фоне фигуры молодых парней в защитной форме кажутся неподвижными. Редкие, скупые движения, два-три слова, сказанные товарищу, и снова — напряженное внимание. Выстрелов не слышно. Вернее, в данный момент не слышно. Их не было, когда снимались эти кадры на пограничной заставе Эль-Эспино, на севере Никарагуа. Но они гремели здесь несколько дней назад, и тридцать бойцов-пограничников отражали яростный натиск почти полутысячи вооруженных до зубов наемников — «контрас».

Кадры телевизионного фильма «Никарагуа: решимость победить», рассказывающего о сегодняшнем дне молодой республики,— это кадры с линии огня. В Никарагуа она пролегла сегодня не только через пограничную заставу Эль-Эспино, не только через провинции, которые непосредственно подвергаются бандитским нападениям недобитых сомосовцев. Она проходит через ум и сердце каждого никарагуанца, потому что это линия огня между старым и новым, между созидательными усилиями народа и отчаянными попытками империализма свести эти усилия на нет, между прогрессом и мракобесием.

Объединив в фильме материал, отснятый во время недавней поездки в молодую республику, с архивными кинонадрами, советские кинодокументалисты создали яркую, правдивую картину борьбы никарагуанского народа. Драматизм этой борьбы подчеркивается в фильме историческими параллелями: не случайно с именем легендарного борца за свободу Никарагуа Аугусто Сандино идут сегодня в бой патриоты, так же, как и он сам полвека назад.

«...Нам так хотелось,— говорят авторы фильма,— рассказать об успехах молодой республики, народ которой взял судьбу свою в собственные руки... Так хотелось показать счастливые лица крестьян, получивших землю, улыбки детей, отправляющихся в новые школы, энтузиазм трудящихся, строящих дома и фабрики, прокладывающих дороги и возводящих мосты. Но, увы, на лицах людей, которых мы видели там, в Никарагуа,— не только радость и счастье. Но и тревога, и гнев, и боль... Потому что над страной нависла реальная угроза...»

Да, враг у порога. К побережью Никарагуа подтянуты соединения американских боевых кораблей. Под предлогом проведения военных маневров в соседнем Гондурасе высаживаются тысячи американских солдат. Там же, в Гондурасе, советники ЦРУ готовят банды контрреволюционеров для вторжения в Никарагуа. Мы видим на экране наглых, самоуверенных бандитов, их оружие, слышим хвастливые заявления о «скорой победе». Они не только говорят, но и действуют, проверяя никарагуанскую революцию на прочность. Диверсии следуют одна за другой.

На атлантическом побережье обстрелян порт Пуэрто-Кабесас. Совершено нападение на город Блуфилдс. На южной границе близ Пенья-Бланка повреждена линия электропередач. На тихоокеанском побережье поврежден нефтепровод близ Пуэрто-Сандино.

...Так они действуют день за днем в надежде сломить боевой дух защитников революции. В надежде, надо сказать, тщетной. В этом убеждаешься, когда видишь лица солдат и студентов, крестьян и рабочих, поднявшихся на защиту революции, когда слышишь их выступления перед кинокамерой.

— А если враг действительно нападет на вашу страну, если начнется бой?

— Я тоже буду сражаться.

Это ответ старого воина, соратника Сандино Рубена Алонсо Ортес-и-Гильена, который живет сейчас в поселке Мосонте под Окоталем.

А. СОКОЛОВ

«Никарагуа: решимость победить», телевизионное объединение «Экран», 1983 г. Автор Игорь Фесуненко.

И мы в тот
сорок первый год
Пошли за фюрером в поход...

Но не идет, как видно,
впрок
Ему позорный наш урок!

Рис. КУКРЫНИКСЫ.

Стихи Дм. Демина

САТИРА — ОРУЖИЕ МИРА

Международные выставки «Сатира в борьбе за мир» в Москве уже стали замечательной, прочно установившейся традицией — творческими смотрами художников-сатириков, посвятивших свое искусство благородной цели, о которой говорит само название выставки.

И вот снова в Москве под знаменем боевой, веселой и гневной «музы пламенной сатиры» плечом к плечу выстраиваются ее оруженосцы — карикатуристы и плакатисты Советского Союза, социалистических государств, прогрессивные сатирики разных стран и континентов.

Снова строгие, светлые залы Академии художеств СССР расцвели острыми, красочными, броскими изображениями — работами целой плеяды талантливых мастеров, владеющих разящим оружием смеха.

Сейчас мы переживаем небывалый по остроте и напряженности за все послевоенные годы период противоборства мировоззрений — социалистического и империалистического. Идет борьба за умы и сердца миллиардов людей на планете. И будущее человечества в немалой степени зависит от исхода этой идеологической борьбы. «Отсюда понятно,— подчеркивал Ю. В. Андропов в речи на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС,— как исключительно важно уметь донести в доходчивой и убедительной форме правду о социалистическом обществе, о его преимуществах, о его мирной политике до широчайших народных масс во всем мире. Не менее важно умело разоблачать лживую, подрывную империалистическую пропаганду. Нам нужна хорошо продуманная единая система контрпропаганды — динамичная и эффективная».

В такую контрпропаганду достойный и действенный вклад вносит советское искусство, и в частности изобразительное, на переднем крае которого, как всегда, несет свою боевую службу наша публицистическая графика — политическая сатира и плакат.

В произведениях советских сатириков, так же как их зарубежных коллег и единомышленников, находят яркое и образное воплощение мысли и настроения миллионов людей, выступающих в защиту мира, подымающих голос протеста и возмущения против преступной политики оголтелых авантюристов из Белого дома.

Красноречиво и убедительно подтверждают значение политической карикатуры слова министра иностранных дел Советской державы А. А. Громыко, сказавшего на сессии Верховного Совета СССР: «Бывали и прежде деятели, которые договаривались до предсказаний близкой гибели социализма... Сейчас высказываться в этом роде становится кое-где на Западе чуть ли не модой... Политики, дающие себе волю с такой легкостью и даже развязностью выступать подобным образом, свою неприязнь к социализму доводят до карикатуры. Эти предсказатели вполне достойны кисти наших прославленных Кукрыниксов».

Да, сатирическое оружие правофланговых нашей политической карикатуры — Кукрыниксов, их советских и зарубежных соратников всегда в боевой готовности, всегда в действии. Оно неутомимо и прицельно ведет огонь по нынешним «предсказателям» и «пророкам» так же, как на протяжении минувших десятилетий пригвождало их предшественников, столь же бесноватых претендентов на «мировое господство».

Художники из более чем тридцати стран мира приняли участие в IV Международной выставке в Москве. Их творчество многообразно и разнохарактерно по стилю, изобразительному почерку, индивидуальным и национальным чертам. Какое богатство сатирических приемов и находок, остроумных сюжетных решений! Какой широкий диапазон саркастического видения и бичующей иронии мы находим в работах карикатуристов Дании и Монголии, Венгрии и Кубы, Бразилии и Кипра — любой страны, представленной в этом замечательном форуме, монолитно спаянном единой гражданственной, антивоенной направленностью.

Искусство политической сатиры верно служит и будет впредь служить делу мира, разрядки, разоружения. Художники для того и создают свои злые, гневные, бичующие произведения, чтобы защитить добро, справедливость и чистое небо над планетой, чтобы спокойно и радостно жили и трудились люди на Земле.

Большую работу провело Международное жюри выставки, возглавляемое бессменным своим председателем, лауреатом международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Херлуфом Бидструпом (Дания). Надо сказать, что нелегко было выбрать достойнейшие работы из огромной, яркой, богатой интересными сатирическими находками экспозиции.

Выбор затруднялся и тем обстоятельством, что лучшие мастера входили в состав жюри, которому, естественно, не положено награждать своих членов.

Обсуждение кандидатур на награды было довольно горячим, но три первые премии — золотые медали — единодушно присуждены трем замечательным коллективам: карикатуристам журналов «Крокодил» и «Ойленшпигель» (ГДР), а также группе сатириков Кубы. Ряд талантливых художников был отмечен серебряными и бронзовыми медалями, почетными дипломами, призами общественных организаций, издательств, газет...

Древняя мудрость гласит: человечество уцелело, потому что смеялось.

Человечество уцелеет!

Бор. ЕФИМОВ,
народный художник СССР,
председатель Оргкомитета IV Международной выставки
«Сатира в борьбе за мир».

АВАРИЯ

Алан УИННИНГТОН

РАССКАЗ

Рисунок Е. ШУКАЕВА

На решетке большого камина потрескивал огонь. Собственно, камин служил больше для украшения, так как в доме было центральное отопление. Красноватые отблески отражались в многочисленных серебряных, медных, фарфоровых украшениях. Эдит Карсон вязала платьице для внучки. Артур Карсон, наполнив большой бокал скотчем — виски с содовой,— смотрел очередную серию телефильма «Задача тайной полиции». И хотя гостиная освещалась лишь камином, одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться: Эдит обладает хорошим вкусом и вместе с мужем считает покупку дорогих вещей хорошим помещением капитала.

Коротко, как бы робко прозвенел дверной звонок.

— Ради бога, извините, если я помешала.— На верхней ступеньке наружной лестницы, ведущей в дом Карсонов, стояла молодая женщина с ребенком на руках. Вечер был сырой и холодный, хотя и не морозный. Эдит окинула ее взглядом. Молода, красива, даже очень красива. Она отметила прекрасное произношение незнакомки и с трудом преодолела первое побуждение — из вежливости пригласить ее в дом. Ребенок заплакал.

— Ш-ш-ш, хорошая моя,— успокоительно произнесла молодая женщина и стала гладить ребенка.

— Может быть, я могу быть чем-либо полезна? — спросила Эдит без особого воодушевления.

— Ах, если только...— начала молодая женщина приятным глубоким голосом; очевидно, ей трудно было отважиться продолжать.— Видите ли, у нас небольшая авария. Мой муж там, на улице, он пытается устранить дефект...

Эдит Карсон выглянула на улицу. За деревьями стояла машина с включенными фарами; капот был поднят, и какой-то мужчина возился в моторе.

— ...И уже давно пора покормить нашу Джейн.— Молодая женщина вновь стала ласкать ребенка.

— Бедная куколка,—посочувствовала Эдит.— Но входите же, миссис...

— Хоукинс. Сьюзен Хоукинс.

— Входите, миссис Хоукинс. Но я не знаю, чем я могу помочь, если только вы не покормите ее грудью. Ваш ребенок еще очень мал...

— Ей три месяца.

— ...а у меня в доме нет ничего подходящего, кроме гомогенизированного коровьего молока.

— Спасибо, ничего не нужно, миссис...

— Карсон.

— ...Миссис Карсон. Я уже не кормлю Джейн сама, но я приготовила ей бутылочку, так что в Гольдерс Грин ее оставалось лишь подогреть. Но мы ползли черепашьим шагом, а потом нам пришлось вообще остановиться. И я увидела свет в ваших окнах. Если бы вы были столь любезны и разрешили мне подогреть бутылочку...

— Ну, конечно, моя милая. Так входите же.

— А мы действительно не помешаем вам? Джек, это мой муж, надеется, что долго это не продлится. Он сказал, что, вероятно, засорился жиклер или что-то в этом роде.

Плач маленькой Джейн усилился.

Когда дверь открылась, Карсон оторвался от телевизора и увидел высокую, стройную, красивую молодую женщину. Он встал, сунул ноги в шлепанцы и убавил звук.

— Это миссис Сьюзен Хоукинс, Артур. Садитесь, пожалуйста, миссис Хоукинс. Миссис Хоукинс и ее муж потерпели аварию,— объяснила Эдит мужу,— а ребенок проголодался.

— Добрый вечер,— поздоровался Карсон и протянул ей руку. Он пощекотал ребенку щечку, и плач тотчас же прекратился.

— О боже мой,— удивилась молодая женщина.— Как вам это удалось?

— Прирожденное обаяние,— самодовольно заявил Артур Карсон.

— Которое почему-то очень редко проявляется дома,— прокомментировала Эдит, выходя с бутылочкой в руке из гостиной.

Сьюзен Хоукинс пристально посмотрела на Карсона своими большими голубыми глазами и сказала:

— Такие волосы с проседью создают впечатление солидности и опытности. Молодые женщины нередко чувствуют слабость к мужчинам вашего возраста.

— И вы тоже? — полюбопытствовал Карсон. Но она в ответ лишь улыбнулась.— Можно предложить вам что-нибудь выпить? Скотч? Джин с тоником? Или с лимоном?

— Скотч, если нетрудно.

Он пошел к буфету за бутылкой; повернувшись к ней спиной, он машинально проверил узел галстука. И воспользовался случаем, чтобы налить еще один скотч себе.

— Как нам не повезло,— заметила Сьюзен.— На дорогу от Нориджа мы потратили кучу времени. Но я надеюсь, что Джек, это мой муж, скоро приведет машину в порядок.

Она взяла свой бокал. Джейн уставилась на Карсона голубыми — точь-в-точь как у матери — глазами.

— Пожалуйста, устраивайтесь поуютнее, миссис...

— Сьюзен. Сьюзен Хоукинс.

— Сьюзен. Красивое имя. И, пожалуйста, не беспокойтесь: если нужно, вы сможете у нас переночевать. С тех пор как наши дети обзавелись своими семьями и покинули нас, места в доме предостаточно. Ваше здоровье!

— Ваше здоровье,— повторила Сьюзен и пригубила свой бокал.— А вы не чувствуете себя одиноко без детей?

— Я думаю, что в этом есть и своя приятная сторона,— философски заметил Карсон.— Мы часто встречаемся с ними — на рождество, в дни рождения, в праздники. Собственно, наш сын не балует нас своими визитами. Невестка не очень ладит с моей женой.

— Старая песня,— заметила Сьюзен.— Эдип — и теща.

Карсон улыбнулся.

— А Памелу, нашу дочь, мы видим часто. В следующем месяце она приедет к нам на целую неделю.

Ребенок снова заплакал.

— Скажите, вы не могли бы еще раз проделать ваш фокус? — спросила Сьюзен.

На этот раз фокус не удался. Джейн продолжала плакать. Наконец пришла Эдит.

— Еда готова,— объявил Карсон, обращаясь к девочке.

Эдит передала Сьюзен подогретую бутылочку, завернутую в салфетку. Молодая женщина переложила ребенка на левую руку и сразу же сунула ей в рот соску. Через секунду плач прекратился, и Джейн начала сосать, причмокивая.

Снова раздался звонок.

— Это, должно быть, Джек,— проговорила Сьюзен. Карсон вышел и вернулся с хорошо одетым джентльменом, который выглядел несколько старше своей жены.

— Все о'кей, дорогая,— весело сказал он.— Это был действительно всего-навсего засорившийся жиклер.— Он вышел, чтобы умыться, вернулся, выпил рюмку виски, и десять минут спустя оба покинули дом, помахав на прощание Карсонам от садовой калитки.

— Какая милая пара,— заметил Карсон и снова увеличил громкость. Детектив кончился: теперь шла политическая передача лейбористов. Он переключил телевизор на другую программу.

Они уже успели забыть о Хоукинсах, когда три дня спустя принесли конверт с почтовым штемпелем «Гольдерс Грин», в котором оказались два хороших билета в лондонский «Палладиум-театр». К билетам была приложена записка:

«Еще раз большое спасибо за любезное отношение ко мне и к Джейн. Надеюсь, что театр доставит вам удовольствие. С благодарностью — Сьюзен».

— Это прекрасно,— объявил Карсон, вернувшись вечером домой.— Очень милая пара. Я как раз подумал, что они тоже будут в театре.

— Значит,— сделала вывод Эдит,— ты думаешь, что она будет в театре. Я тоже думаю, что будет. И она как будто имеет склонность к пожилым мужчинам. Впрочем, я могу ведь и не идти...

— Почему? Это было бы невежливо.

— Да мне, собственно, нечего надеть в театр.

Карсон вздохнул.

— Билеты нам достались бесплатно,— улыбнулся он,— но, по-видимому, этот вечер обойдется все же недешево.

Через два дня, когда Карсоны в семь часов вечера усаживались в машину, чтобы ехать в театр, на Эдит было новое вечернее платье.

Не обнаружив в креслах по соседству Хоукинсов, Карсон с трудом скрыл свое разочарование от жены. Но спектакль оказался прекрасным, а прежде чем возвращаться домой, они поужинали в небольшом итальянском ресторанчике по соседству с театром.

...Въехав на холм, от которого до дома оставалось не более пятисот метров, Карсон наклонился к рулю и прищурился:

— Черт возьми, дорогая, ты почти всюду забыла выключить свет.

— Не говори глупостей, Артур. Я прекрасно помню, что еще раз вернулась и погасила свет везде, кроме прихожей. Тут что-то не так. Может быть, взломщики?

Карсон увеличил скорость.

— Билеты в театр! — воскликнул он.— Это, конечно, был трюк, чтобы выманить нас из дома. Ах, как нас одурачили! — Он свернул на дорожку, ведущую к дому. Перед их дверью стоял небольшой автофургон.

— Не входи,— сказала Эдит.— Может быть, они еще там.

Муж остановился в нерешительности.

— Ты подожди, милый,—продолжала Эдит,— а я позвоню. Если что не так, ты быстро уедешь за подмогой.

— Нет, лучше я пойду, а ты поедешь. Этот фургон нетрудно объехать.— Он поднялся по лестнице и позвонил.

Дверь сразу же открылась. На пороге появился внушительного вида полицейский в форме, но без шлема. Как и все полицейские, он без привычного для глаз шлема казался ненастоящим.

— Ах, это вы, мистер Карсон,— приветствовал его полицейский.— Все было именно так, как вы и предполагали.

В это время Эдит тоже поднялась по лестнице, и полицейский обратился к ней:

— Добрый вечер, миссис Карсон. Инспектор ждет вас в гостиной. Мы поймали их на месте преступления.— После этого он опять обратился к Артуру: — Это благодаря вашей жене, сэр.

Из дома вышел еще один человек — очевидно, это был инспектор.

— Входите, мадам. Входите, сэр. Они классически попались на удочку. Входите, наконец! Как вам понравилось в театре?

В гостиной, уставившись в камин, сидели Хоукинсы. Ребенка у них не было.

— Ах, добрый вечер, миссис Хоукинс, добрый вечер, мистер Хоукинс,— поздоровалась Эдит.

Хоукинсы и бровью не повели.

— Старые специалисты, эта парочка,— заметил инспектор.— Итак, Симмонс, записывайте,— приказал он полицейскому и обратился к Карсонам: — Узнаете ли вы людей, которые заходили к вам в этот понедельник?

— Да,— ответила Эдит.

Ее муж кивнул утвердительно.

— Все было точно так, как предполагала ваша жена,— сказал инспектор, обращаясь к Карсону.

— Моя жена? Предполагала? Может быть, кто-нибудь объяснит мне, что здесь происходит?

— Ах,— удивился инспектор,— разве ваш муж не в курсе дел, миссис Карсон?

Она засмеялась:

— Я предпочла не посвящать его. Лучше было промолчать. А вдруг бы я ошиблась!

— В чем ошиблась? — раздраженно спросил Артур Карсон.

— Итак, сэр,— начал инспектор,— ваша жена заподозрила, что билеты в театр прислали для того, чтобы выманить вас и проникнуть в дом. Ваша жена пришла к нам — и мы согласились с ее мнением. Это было похоже на несколько подобных случаев, которые недавно имели место. Мошенники. Они вовсе не женаты и вовсе не Хоукинсы, и у них вовсе нет грудного ребенка. Настоящее имя мужчины Виктор Эллиот, а женщины — Алиса Таунсенд.

Услышав свои имена, оба преступника вздрогнули.

— Мы посоветовали вашей жене поехать с вами в театр,— продолжал инспектор.— Возможно, мошенники поставили наблюдателя. А может быть, они и сами следили за домом. И если бы уехал только один из вас, они могли бы предупредить сообщников и дать отбой.

— Я думала, что эта женщина будет в театре,— пояснила Эдит.— Поэтому я ничего не сказала тебе о моих подозрениях.

— Смешно,— заметил Карсон.— Я же не ребенок.

— Итак, сэр, ваша жена дала нам ключ, и мы были на страже. Как только они явились, мы схватили их и ждали вас, чтобы вы могли опознать преступников. Это хороший улов. Очень жаль, что ваша жена не служит в полиции.

— Почему же у тебя закралось подозрение? — кислым тоном спросил Карсон.

Эдит повернулась к молодой женщине.

— Вы, очевидно, одолжили у кого-то ребенка, Сьюзен или Алиса, или как вас там? Вы даже не имеете понятия, как обращаться с грудным ребенком! — Потом она обратилась к мужу: — Ты видел, как я ей тогда дала бутылку, завернутую в салфетку. А она сразу сунула соску в рот ребенку, даже не проверив температуру. Ни одна мать так не сделает. А когда прислали билеты в театр, я лишь немного поразмыслила...

Перевел с английского Ал. ЯКОВЛЕВ

СДАЧИ НЕ НАДО

Фельетон

Р. САРИМОВ

Если читатель помнит, у доктора Фауста был слуга — черт. Не будем вдаваться в подробности, как он его нанимал. Только был этот Мефистофель чертовски услужлив. Доктор просто не успевал его всякий раз озадачивать. Какое задание ему ни даст — тот исполнит его вмиг и ждет новых указаний.

А будь я на месте доктора, я бы вышел из положения, и не прибегая к такой крайности. Просто послал бы черта на Ейский консервный завод образовать недостачу гвоздей в тарном цехе — и он бы увяз там навсегда. Орел на что орел в таких делах, но и у него ничего не вышло. Сколько он ни таскал этих гвоздей, так и не смог образовать у тарщиков недостачу. И вряд ли сумел бы сделать это Мефистофель.

Говорят, как-то водитель пчелосовхоза «Юбилейный» Н. Орел поспорил по пьянке, что разорит тарщиков консервного завода и пустит их с сумою по миру. Ему говорят: не кричи «гоп», пока не перепрыгнешь. А он: «Не быть мне Орлом, если я этого не сделаю. Вы еще не знаете, какая у меня хватка».

И действительно. Средь бела дня увозит из-под носа тарщиков тридцать шесть ящиков остроконечного материала и сдает в магазин. А это ни много ни мало одна тонна шесть центнеров один пуд и четыре кило. Отдал груз заведующей магазином Октябрьского розничного торгового предприятия В. Носенко, получил 580 рублей вместо причитающихся 923 и говорит небрежно:

— Сдачи не надо!

Однако своей смелой вылазкой недостачу у тарщиков Орел не образовал. Только создал излишки у себя в кармане. Когда бесшабашный водитель-пчеловод прибыл на чужой знакомый завод посмотреть на результаты своего разорительного набега, излишков там было еще больше. Еще немного, еще чуть-чуть — от них в цехе мог образоваться неразгребаемый завал. Не надо было мне крохоборничать, упрекнул себя герой. Надо было хватать и тащить сразу полсотни ящиков. И срочно исправляет ошибку — везет в магазин еще сорок четыре ящика. Везет по тряской дороге и трясется, как бы не лопнула рессора. Ведь в кузове не одна тонна острого груза! Однако довез товар без происшествий. Рессора не лопнула, шина не спустила.

Получил Орел за доставленный в целости и сохранности товар 680 целковых вместо положенных 1127 и говорит опять купечески щедро:

— Сдачи не надо!

Ну, думает Орел, теперь-то уж тарщики точно разорены. Осталось только всучить им нищенскую суму. Прикатил — а там снова излишки. Разозлившись, увез тут же новую партию гвоздей. Привез их в знакомый магазин, а там незнакомая заведующая. Что ему делать, как ему быть? Везти груз обратно на завод — не примут. А отвезти в отвал жалко.

— Может, примете? — спрашивает Орел, робея. — Ваша предшественница меня ни разу не прогоняла.

— Разве я тебя гоню? — отвечает с упреком Г. Терещенко. — Разгружай, пожалуйста.

Получил Орел пачку денег от нового завмага и машет по-старому рукой:

— Сдачи не надо!

В кармане левака создались, таким образом, новые излишки, а у тарных дел мастеров недостачи все нет и нет. В кармане — излишки, в цехе — излишки. Сплошное излишество! Бес меня дернул связаться с этими тарщиками, ругал себя приуныввший разоритель. Откуда только берется у них этот гвоздь? Ведь завод-то не гвоздевой, а консервный. Этого материала там сами получают строго по фонду. Казалось, чего проще. Утянул у зевак ящик-другой гвоздей — вот и недостача...

Неизвестно, чем бы закончилась эта безрассудная затея. Наверно, Орел в конце концов взмок бы от перенапряжения и опустил беспомощно крылья. А недостачу у тарщиков так бы и не образовал. Потому что, когда после неудачного приземления Орла нагрянули на завод с ревизией, там уже успели образоваться новые излишки.

— В чем загвоздка? — спрашивают удивленно.— Откуда лишний гвоздь при острой его утечке?

— Следим строго,— отвечает заместитель директора Н. Харченко.— Регулярно проводим инвентаризацию материалов.

Не надо быть знатоком, чтобы догадаться, откуда у мастеров тарных дел эти неистощимые излишки. Конечно же, от ничегонеделания, от приписки. Говоря каламбурно, деньги тарщики выколачивали, не заколачивая гвоздей. Возможно даже, они помогали чужаку-леваку грузить ящики и давали на чай за регулярный вывоз все растущего излишка.

Если на одном небольшом предприятии так наживались ловкачи, то сколько же могут урвать у народного хозяйства все ловкачи и рвачи вместе? Лучше не считать. Лучше «приземлять» их, как этого обнаглевшего Орла.

г. Ейск.

Он наконец-то принял решение: решил стать самим собой.

Можно ли настаивать на своем, если своего не было, нет и никогда не будет?

Бывает и так: двухкопеечных монеток в кармане — хоть пруд пруди, а позвонить не к кому!..

Задрать нос — тоже жест!

Большая стирка: приступил к стирке пятен в автобиографии.

Е. МОСТОВОЙ

Харьков.

А может быть, наш потолок — это всего лишь пол вышележащей квартиры?

До чего динамичен и рационален бег убегающего.

Количество животных, находящихся под угрозой, сокращается — животные вымирают.

Долгое сидение перед зеркалом отражается на внешнем облике.

Крайняя форма многогранности — круглые дураки.

Жаль, что те, над кем смеются сатирики, продолжают посмеиваться.

Заблуждения — это привилегия ищущих.

Александр ШУРОВ

Одесса.

КТО СЪЕЛ ОГУРЕЦ?

* * *

В далекие времена, когда европейцам приходилось снаряжать экспедиции к «островам пряностей», отважные мореплаватели даже не подозревали, что благодаря перцу, гвоздике, корице, мускатному ореху... они откроют Новый Свет. Эти экзотические приправы стоили тогда огромных денег, а в иных случаях служили просто разменной монетой: фунтами перца вносились торговые сборы, за перец покупались земли, дома, замки; перец полностью заменял деньги. Даже купцов в то время называли «мешками перца».

Стефан Цвейг сравнивает вкус пряностей с музыкой: «...Удивительное дело: стоит только в самое незатейливое блюдо подбавить одно-единственное зернышко индийских пряностей — крохотную щепотку перца, сухого мускатного ореха, самую малость имбиря или корицы,— и во рту немедленно возникает своеобразное приятное раздражение. Между ярко выраженным мажором и минором кислого и сладкого, острого и пресного начинают вибрировать очаровательные гастрономические (вкусовые) обертоны и промежуточные звучания».

* * *

Царь Борис Годунов боялся отравы «зельем» и никогда не употреблял незнакомых ему блюд и напитков. Бояре и князья давали ему такую присягу: «В ястве и питье, в платье или в ином чем ему напасти не учинити; людей своих с ведовством да и со всяким лихим кореньем не посылати».

* * *

Давным-давно, когда огурцы были редкостью, жестокий и жадный турецкий султан Магомет Второй приказал вскрыть животы семи придворным, чтобы узнать, кто из них съел присланный ему в подарок огурец.

* * *

Нам непривычно слышать, что помидор ядовит. Но на протяжении многих веков, вплоть

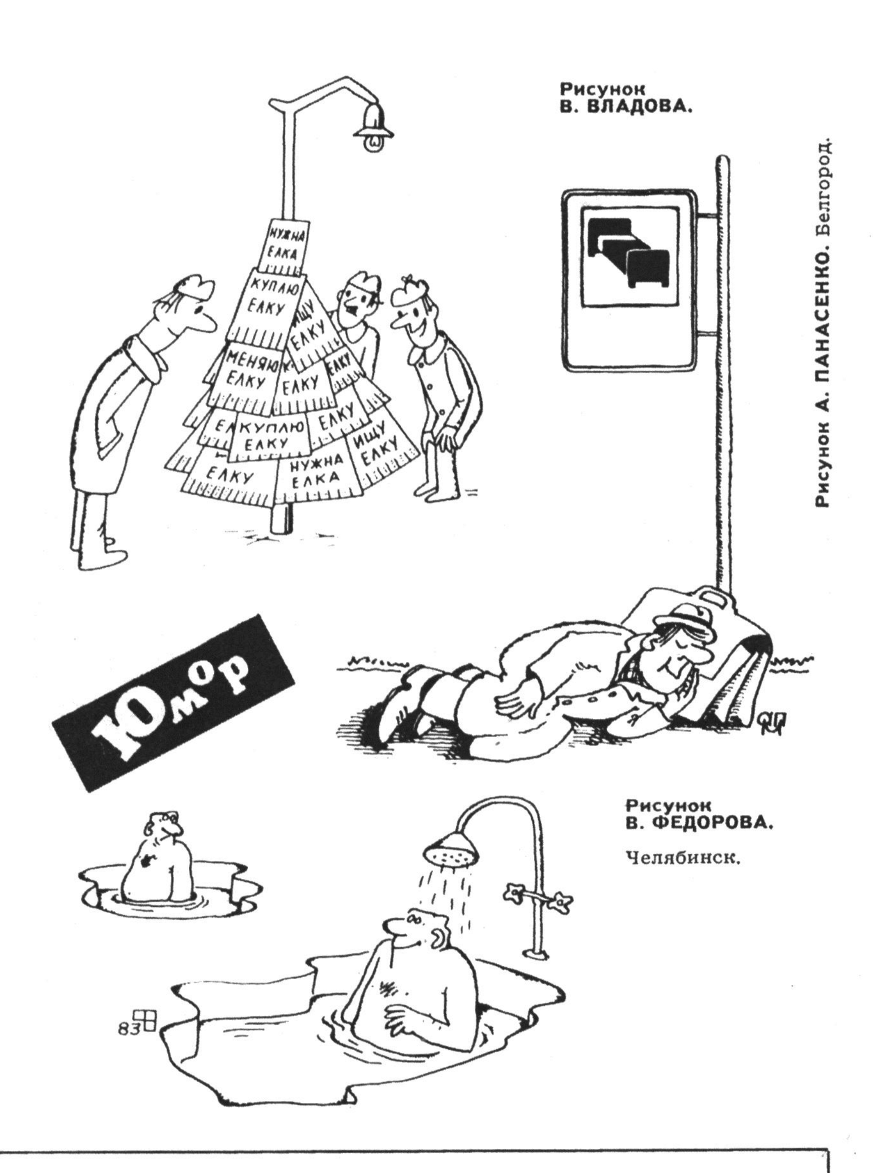
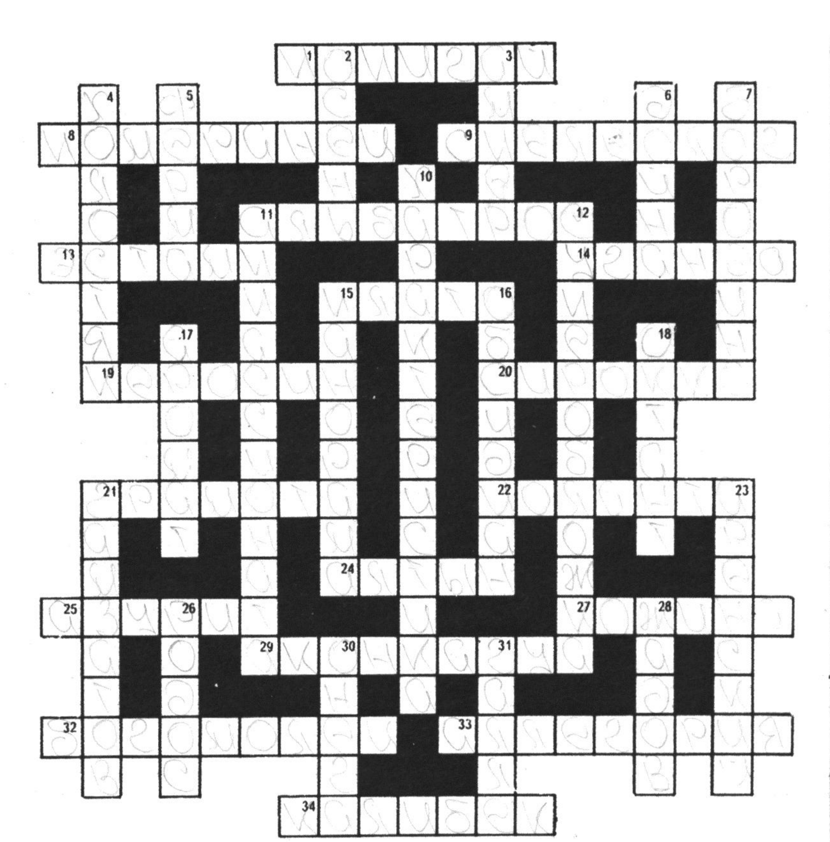

Рисунок В. ВЛАДОВА.

Рисунок А. ПАНАСЕНКО. Белгород.

Рисунок В. ФЕДОРОВА.

Челябинск.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Река в Восточной Сибири. 8. Вечнозеленое плодовое растение. 9. Специалист, изучающий пещеры. 11. Океаническая птица. 13. Станковая гравюра или литография. 14. Государство в Восточной Африке. 15. Возвышенная равнина. 19. Горючее, реактивное топливо. 20. Знойный ветер в Средиземноморье. 21. Наградной документ. 22. Опера П. И. Чайковского. 24. Старинная русская монета. 25. Медная руда, сырье для красок. 27. Крестьянка, возглавившая партизанский отряд в Отечественную войну 1812 года. 29. Вершина в Южной Америке. 32. Патофизиолог, академик, Герой Социалистического Труда. 33. Иносказание. 34. Соленое озеро в Казахстане.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 2. Время года. 3. Единица силы электрического тока. 4. Комедия И. С. Тургенева. 5. Специализированное хозяйство в колхозе, совхозе. 6. Хоровая капелла Молдавии. 7. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 10. Целая часть десятичного логарифма. 11. Музыкальное произведение Л. Бетховена. 12. Дополнительная обертка переплета книги. 15. Вид искусства. 16. Вулканическое стекло. 17. Приятный запах. 18. Южное созвездие. 21. Народный поэт Дагестана. 23. Русский композитор, пианист, дирижер. 26. Остров в Эгейском море. 28. Действующее лицо комедии А. Н. Островского «Доходное место». 30. Река, впадающая в Белое море. 31. Город в ГДР.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 51

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Сурок. 5. Бурун. 7. Пласт. 8. Белок. 10. Фактор. 11. Язьва. 13. Гомер. 14. Коненков. 15. Шахта. 16. Орган. 17. Лабрадор. 22. Кубок. 23. Виток. 24. Пясино. 25. «Варяг». 27. Барий. 28. Нулин. 29. Атрек.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Крит. 2. Граб. 3. Статья. 4. Карабин. 5. Боровик. 6. Нельма. 7. Прянишников. 9. Курпиньский. 12. Аркалык. 13. Говоров. 18. Бодягин. 19. Дейнека. 20. Оберон. 21. «Старик». 26. Гали. 27. Борт.

БЫЛИ И НЕБЫЛИЦЫ

до XVII, европейцы и думать не хотели о его пользе. Только в 1811 году во французском Ботаническом словаре появилась запись в его защиту: «...хотя томат и считается ядовитым растением, но в Италии его едят с перцем, чесноком и маслом, в Португалии и Богемии уже делают из него соусы, отличающиеся крайне приятным, кисловатым вкусом».

* * *

Запах укропа, как и запах роз, в Древней Греции считался божественным. Ветки его даже вплетали в венки.

* * *

Прославленный весельчак Тиль Уленшпигель сидел с друзьями в харчевне и ничего не заказывал. Хозяин харчевни подошел и потребовал от него плату только за то, что он вдыхал запах жаркого. Уленшпигель не растерялся и «заплатил» ему звоном подброшенной в воздух монеты.

* * *

За двадцать восемь лет жизни на необитаемом острове Робинзон Крузо заболел лишь однажды. Вылечился он своеобразным лекарством — настойкой табака на роме.

* * *

«Все, что мы употребляем, должно быть лечебным, а все лекарственное должно иметь пищевую ценность»,— говорил Гиппократ.

* * *

Дата рождения консервов — 1806 год. Первый патент на производство консервов в стеклянных бутылках получил француз Николас Апперт. В 1816 году в оловянных закупоренных банках стали выпускать говядину, баранину и овощи.

* * *

На Кубе существует такой обычай: в ночь под Новый год каждый должен облить ближнего водой, смыть, так сказать, прошедшее и, загадывая желание, съесть во время ударов часов одну виноградинку.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: В семье Шашковых родилось четверо близнецов. (См. материал «Женя, Маша, Таня, Катя и Моссовет».)

Фото А. Бочинина

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Праздничная Москва.

Фото Н. Аряева

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 5.12.83. Подписано к печати 20.12.83. А 00766. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 779 000 экз. Изд. № 2968. Заказ № 1764.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Снежный фестива

В ЭТИ ПРЕДНОВОГОДНИЕ ДНИ

Г. РОЗОВ, **фото автора**

...«Верблюд» получился добрым, хотя и с норовом. Сшили его из светло-коричневого одеяла с яркими желтыми полосками. В смотровом окошке переднего «горба» весело поблескивали очки начальника колонны производственного объединения «Оренбургтрансгаз» Фаниля Хасанова. Задние ноги «верблюда» весело брыкались и отплясывали что-то уморительно непонятное под управлением шофера Владимира Панкрашева. Так, приплясывая и помахивая тощеньким хвостиком, «верблюд» появился на площадке перед буфетом, куда запах шашлыка собрал и взрослых и детей. Потребности в духовной пище на время взяли верх: «корабль пустыни» оказался в плотном окружении. Его тут же оседлали малолетние наездники. Пришлось катать. А рядом, на соседней площадке, расчищенной от глубоких сугробов, снежная баба забавляла совсем маленьких участников «Снежного фестиваля»...

Эти фестивали стали у оренбургских газовиков традиционными. Восемь лет назад прошел первый. А нынешний был, пожалуй, особенно желанным, потому что многие оренбуржцы уже потеряли надежду дождаться настоящей зимы. Однако скептики были посрамлены: после ненадежных холодов мороз наконец взялся за дело, лег долгожданный снег, и фестиваль начался. Проходит он несколько воскресений подряд. На большую поляну в парке имени Чкалова прибывают комфортабельные автобусы с работниками двух-трех производственных объединений, и после веселых разминок начинаются соревнования: лыжные гонки, семейные эстафеты, шуточные — вроде бега на одной лыжне или бега «на трех ногах» — так соревнуются пары, у которых колени связаны шарфом. Здесь же играют в мини-футбол, популярен бег в мешках. Словом, состязаний и серьезных и курьезных хватает.

О развлечениях организаторы тоже позаботились. За них, кстати, как и за победы в соревнованиях, начисляются очки: за художественное оформление, инсценированное приветствие соперников, катание на тройках. «Верблюд», о котором я уже рассказал, был плодом не только энтузиазма и фантазии, но и умелой организации. Он принес команде «Оренбургтрансгаза» баллы за художественное оформление праздника. Впрочем, об очках на большой поляне мало кто вспоминал. Газовики отдыхали: азартно перетягивали канат, гоняли мяч, болели за тех, кто его гоняет...

Пять часов на свежем воздухе, пять часов физических упражнений, здоровый румянец на щеках, веселье — вот главная награда устроителям «Снежного фестиваля».

ЛЬ

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663